

На правах рукописи

НИКОНОВ ВАДИМ ВАДИМОВИЧ

**ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ В МОСКОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ**

В 1918–1958 гг.

5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени доктора исторических наук

Москва - 2024

Работа выполнена на кафедре истории России новейшего времени федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО «РГГУ»)

Научный консультант: **Киличенков Алексей Алексеевич**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Ивочкин Демьян Анатольевич**
доктор исторических наук, доцент;
духовная образовательная организация
высшего образования «Смоленская
Православная Духовная Семинария
Смоленской Епархии Русской Православной
Церкви», заведующий кафедрой богословских и
церковно-исторических дисциплин

Кострюков Андрей Александрович
доктор исторических наук, доцент;
образовательное частное учреждение высшего
образования «Православный Свято-
Тихоновский гуманитарный университет»,
профессор кафедры общей и русской церковной
истории и канонического права

Федотов Алексей Александрович
доктор исторических наук, доцент;
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Ивановский государственный
химико-технологический университет,
профессора кафедры истории и культурологии

Ведущая организация: АНОО ВО «Свято-Филаретовский
институт» (СФИ)

Защита состоится «25» октября 2024 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.03 (по историческим наукам), созданного на базе ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, и на сайте РГГУ: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Nikonov_VV_765.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В сегодняшнем российском обществе периодически возникает дискуссия относительно места Церкви¹ в государстве. С одной стороны, высказываются мнения о недостаточности влияния Церкви и проповедуемых ею в обществе религиозных идеалов на общественное сознание, с другой стороны, раздаются упреки в излишней клерикализации различных социальных институтов, в том числе школы, учреждений здравоохранения, СМИ. Такое разномыслие не случайно, так как десятилетия, прошедшие со времени радикального изменения государственно-церковных отношений на рубеже 1980–1990-х гг., оказались недостаточным сроком для формирования представлений о месте Церкви в светском государстве в условиях отсутствия гонений на веру и религию.

Одной из причин такого положения дел, как представляется, является то, что, несмотря на отсутствие гонений на Церковь, смысловое наполнение основного, базового элемента ее устройства – прихода остается неопределенным и по-прежнему трактуется, в том числе и законодательно, в категориях периодов, сначала воинствующего безбожия, а затем научного атеизма. Между тем церковный приход является сообществом, часто единственным, через участие в жизни которого (церковной, молитвенной, хозяйственной, социальной, просветительской и пр.) православный верующий ощущает единение с Церковью Христовой и одновременно через призму которого наблюдает и оценивает положение Церкви и ее институтов в общественном устройстве.

В научном плане эта проблематика остается недостаточно разработанной. При этом значение церковного прихода как одной из главных точек фокусировки для понимания процессов, происходящих в Церкви, а значит, и в обществе в целом, научным сообществом осознается. Об этом свидетельствует появление новейших, созданных в течение последних 10–15 лет, исследований диссертационного и монографического уровня, посвященных этой теме. При этом за более ранний (и значительно более длительный) период работ, обобщающих накопленный материал, мы не встречаем. Исключение составляют отдельные статьи, число которых в последние десятилетия неуклонно росло.

Таким образом, дальнейшее развитие научного знания требует продолжения исследования вопросов государственно-церковных отношений

¹ В контексте настоящего исследования речь идет о Русской православной церкви (РПЦ).

на уровне прихода, так как более общий взгляд на процессы, происходившие и происходящие в Церкви, не всегда позволяет составить адекватное о них представление. Между тем «приходская оптика», с нашей точки зрения, позволяет увидеть внутрицерковные процессы на глубинном, базовом уровне, от состояния которого напрямую зависит осознание верующими своего положения в обществе и государстве.

Актуальность работы в социальном плане, прежде всего, определяется тем, что Церковь, рассматриваемая как общественный институт, во все времена играла и играет большую роль в развитии общества и государства. В периоды кризисов, социальных трансформаций, поисков новых путей развития Церковь может и должна выступать опорным гражданским институтом, который способствует сохранению национальной и религиозной идентичности. Таким образом, государственная политика в отношении Церкви как прежде, так и в обозримом будущем приобретает выраженную актуальность.

Необходимость построения взаимоотношений Церкви и общества с учетом исторического, главным образом советского, опыта через возвращение приходу утраченного содержания представляется актуальной проблемой всего церковного устройства. Решение этой проблемы станет важным шагом к оздоровлению Церкви и, как неизбежное следствие, гармонизации государственно-церковных отношений.

В указанном историко-политическом контексте сформулирована и *научная проблема* данного диссертационного исследования, заключающаяся в выявлении роли и места православного церковного прихода в антирелигиозной государственной политике в 1918–1958 гг.

Попыткой решения указанной проблемы является настоящее исследование положения православного прихода как базового элемента церковного организма, ставшего одной из главных точек приложения сил антирелигиозной и антицерковной государственной политики в период наиболее острого противостояния советского государства и Церкви.

Степень изученности темы

Говоря о степени изученности темы положения церковного прихода в первые четыре десятилетия советской власти, можно констатировать, что в таком узком аспекте она рассматривалась нечасто и главным образом в новейших диссертационных исследованиях, но даже в них не всегда становилась основной. Для охвата проблемы в целом, необходимо рассмотреть обширную историографию государственно-церковных отношений в 1918–1950-х гг.

Работы советского периода, касающиеся вопросов взаимоотношений государства и Церкви, издававшиеся в СССР, рассматривали эту тему односторонне, ибо Церковь как институт, согласно официальной идеологии, была обречена самим ходом исторического развития социалистического общества. Попытки представить Церковь как структуру, находившуюся на службе царизма, предпринимались уже с 1918 г., когда, почти сразу после выхода Декрета СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» («Об отделении церкви от государства»), стали публиковаться агитационные брошюры, для написания которых большевики старались привлечь профессиональных историков, поддержавших революцию. Как пример первых опытов аналитического осмысления положения Церкви в советском государстве можно привести работы одного из главных деятелей обновленческого раскола А.И. Введенского, написанные им в начале 1920-х гг.: «Церковь и голод»; «Церковь Патриарха Тихона» и «Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства», в которых он с якобы православных позиций пытается донести до читателя мысль о необходимости обновления церковной жизни и церковного устройства, об отсутствии внутренних противоречий обновленчества с идеями революции, о реакционной и антинародной сущности «староцерковников», о том, что «церковь патриарха Тихона умерла естественной смертью: она изжила себя». В текстах А.И. Введенского, пропагандистских по своей сути, обнаруживаются и элементы аналитики, правда, тенденциозные и часто нелогичные.

В текстах других советских авторов того же и чуть более позднего периода пропаганда вытесняет аналитику практически полностью, и наиболее выразительным примером в этом смысле являются работы председателя Союза воинствующих безбожников СССР Ем. Ярославского. Значительное число текстов первой половины 1920-х гг. посвящено теме голода, помощи голодающим и изъятию церковных ценностей. К таким работам, помимо брошюр А.И. Введенского, можно отнести: «Голод» и «Церковные богатства и голод в России» М. Горева, «Князья церкви и голод. Революция и церковь» Д. Зорина.

Антицерковную работу в начале 1930-х гг. стараются поставить на «научные» рельсы. Для этого налаживается выпуск научно-популярной антирелигиозной литературы и всевозможных антирелигиозных учебников, адресованных публике вообще, а также отдельным группам ее представителей. Так, в печати появляются антирелигиозные учебники для колхозников, красноармейцев и пр., а также песенники и сборники пословиц

и поговорок. Одновременно с этим в печати разрабатывается тема сектантства, причем в самых радикальных проявлениях.

Рассматривая корпус работ по проблеме взаимоотношений государства и Церкви в 1920–1950-х гг., следует упомянуть о книге, вышедшей в издательстве Московской патриархии в 1942 г. – «Правда о религии в России». Издание представляло собой сборник статей, речей и воззваний ряда авторов, большинство из которых были священнослужителями, а четверо – архиереями. Книга была ориентирована главным образом на зарубежного читателя и уже самим фактом своего выхода должна была символизировать возобновление церковно-издательской деятельности, хотя печаталась она в типографии Союза воинствующих безбожников. Сборник имел, разумеется, патриотическую направленность и демонстрировал единение Церкви и верующих со всем советским народом в борьбе против фашизма. В круг нашего рассмотрения он попал по двум причинам. Во-первых, важен сам факт его издания, ибо он знаменовал грядущие перемены в положении Церкви в СССР. Во-вторых, в нем содержались два очерка, описывавших систему государственно-церковных отношений так, как советское руководство считало необходимым представлять их за пределами СССР. Первый очерк был редакционным, второй принадлежал перу Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), в скором будущем – Патриарха. Лейтмотивом обоих стало не просто декларирование свободы вероисповедания в СССР, но и утверждение ложности насаждаемого из-за рубежа посыла о том, что немецкая армия, неся освобождение народам от большевиков, также даст подлинную свободу верующим. В книге неоднократно отмечалась гуманная и демократичная суть Декрета «Об отделении церкви от государства» и утверждалось, что советская Конституция дает равные права верующим и неверующим и никакого гонения на первых не существует.

Активизация издания антицерковной литературы в СССР продолжилась в период хрущевских гонений, достигла своеобразного пика к празднованиям 50-летия революции в 1967 г., после чего пошла на спад. Этот период ознаменован значительным числом работ, тиражирующих ставшие штампами представления о роли Церкви в обществе и ее борьбе против установления советской власти. Всего, по подсчетам С.Л. Фирсова, только за 1961–1962 гг. вышло 667 наименований атеистических книг и брошюр общим тиражом 11 млн экземпляров, а также было защищено три докторских и несколько десятков кандидатских диссертаций. Информационно литература такого плана была полностью лишена не только новых фактов, но и попыток их осмысления, поэтому может представлять интерес лишь как образец

существовавшей в СССР практики отмечать советские юбилеи выходом литературы на соответствующие темы. Характерным примером сказанному может служить работа Р.Ю. Плаксина «Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг.», вышедшая в издательстве «Наука» в 1967 г. тиражом 20 тыс. экз.

Подводя итог советской историографии истории РПЦ, можно сделать вывод о том, что рассмотрение вопросов взаимоотношений государства и Церкви в советской историографии было тенденциозным и развивалось в соответствии с господствовавшей идеологией. Роль Церкви в общественной жизни искусственно принижалась, а сопротивление верующих и духовенства утверждению советской власти, напротив, представлялось значительно более ожесточенным, нежели об этом можно судить, опираясь на сохранившиеся документы. При этом об антицерковных репрессиях в официальной литературе либо не упоминалось вовсе, либо, как, например, в агитационном издании «Правда о религии в России» 1942 г., декларировалось признанное официально утверждение о том, что если даже кто-то из духовенства и верующих и был осужден, то исключительно за преступления уголовного характера, но не по причинам исповедным. Таким образом, работы, изданные в СССР в период с 1918 до конца 1980-х гг., решали главным образом идеологические, но не научные задачи и могут рассматриваться лишь в этом контексте.

Авторами работ, посвященных вопросам взаимоотношений государства и Церкви в СССР, созданных в период 1920–1980-х гг. за рубежом, часто становились свидетели событий, в них описываемых.

Одной из первых работ, вышедших уже в первой половине 1920-х гг., стал сборник, составленный А.А. Валентиновым (в издании он указан именно как составитель, но не как автор), «Черная книга. Штурм небес». Это яркое, эмоционально окрашенное повествование о начальном этапе антицерковного террора, часто сопровождавшегося бессудными расправами над священниками. Кроме того, в книге содержится краткое описание наиболее известных процессов начала 1920-х гг.: дела патриарха Тихона, митрополита Вениамина (Казанского), процесса, связанного с изъятием церковных ценностей и некоторых других. В работе предпринята попытка анализа происходивших событий. Важные свидетельства о жизни гонимой Церкви в первые послереволюционные годы содержатся в работе В.Ф. Марцинковского «Записки верующего. Из истории религиозного движения в советской России (1917–1923)», вышедшей в Праге в 1929 г., куда вынужден был эмигрировать автор. В книге собраны свидетельства о восприятии перемен в церковной жизни и гонений на нее простыми верующими, прихожанами московских

храмов. Следует отметить работы по истории Церкви в СССР протоиерея Димитрия Константинова, оказавшегося в вынужденной эмиграции во время Великой Отечественной войны и ставшего, таким образом, свидетелем гонений на Церковь в довоенное время.

Глубокая аналитика положения Церкви в СССР содержится в сборнике «Судьба и грехи России» Г.П. Федотова. В разделе «К вопросу о положении Русской Церкви» он отмечает: «не будет преувеличением, а точным выражением действительности назвать тот режим, при котором живет русская Церковь, режимом гонений». И далее: «Прежде всего гонение на веру в России носит скрытый или наполовину скрытый характер. Людей никогда не убивают и не ссылают «за имя Христово», а чаще всего под прикрытием мнимых политических преступлений».

К числу работ, написанных отечественными авторами, но вышедших за рубежом, следует отнести книгу Л.Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг.». Эта книга по праву может считаться первым исследованием, претендующим на полноту охвата заявленной темы. Не имея привычных для сегодняшних ученых возможностей по сбору, обработке и, главное, верификации информации, автор создал комплексное исследование, на полтора десятилетия ставшее почти единственным источником сведений о положении Церкви в СССР. Работа сопровождается обширными приложениями, содержащими сведения о епископате за несколько десятилетий с разделением на «сергианцев» и «непоминающих». Имена некоторых сопровождаются довольно подробными биографиями, а иногда – библиографический список их трудов.

В конце 1980-х гг. в германском издательстве «Посев» вышла небольшая брошюра «Крестный путь церкви в России, 1917–1987», содержащая хронологический список основных дат, связанных с гонениями на Церковь в СССР. Различные аспекты взаимоотношений государства и Церкви в СССР отражены в следующих работах, изданных за рубежом: «Русская церковная смута» И. Стратонова, «Церковь под властью коммунизма» А.А. Боголепова, две работы И.М. Андреева: «Заметки о катакомбной Церкви в СССР» и «Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней», «Очерк бежавшего из России священника» и «Новые мученики Российские» М. Польского, труд профессора протопресвитера Василия Виноградова «О некоторых важнейших моментах последнего периода в жизни и деятельности Св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.). По личным воспоминаниям» и работа епископа Григория (Габбе) «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом».

Ценность работ по теме государственно-церковных отношений, изданных за рубежом, заключается прежде всего в том, что они создавались без какого-либо идеологического прессинга и их авторы имели возможность свободного выражения своей позиции, самостоятельного поиска источников, их выбора и интерпретации. Кроме того, многие работы создавались, когда еще были живы участники и свидетели событий, что давало возможность более точно их описывать. Это обстоятельство является существенным по сравнению с новейшей отечественной историографией, берущей начало в 1990-х гг., когда большинства свидетелей уже не было в живых, а оставшиеся находились в преклонном возрасте, когда уже не могли, а часто и не хотели сообщать какие-либо сведения. К числу положительных свойств рассматриваемых работ относится также и то, что в распоряжении их авторов имелись различного рода документы, вывезенные из РСФСР и СССР, часто представлявшие собой исключительную ценность и существующие в единственном экземпляре.

Имеется, однако, и ряд отрицательных качеств, проявившихся в разной степени во многих работах, изданных за рубежом, причем качества эти зачастую являются оборотными сторонами их положительных свойств. Прежде всего, это излишняя эмоциональность и политизированность, что в значительной степени объясняется неизбежной внутренней вовлеченностью авторов и одновременно является следствием отсутствия идеологического прессинга. Кроме того, авторы, работавшие за границей, несмотря на возможность использования вывезенных материалов, были лишены доступа к большому массиву документов, свидетельств и информантов, оставшихся в СССР.

Работы, посвященные темам политических репрессий и гонениям на Церковь, опубликованные с начала 1990-х гг. в России, весьма многочисленны. К ним относятся фундаментальные исследования, отдельные статьи и материалы конференций. К ним можно отнести также тематические выставки с материалами, созданными к их открытию.

Говоря об исследованиях, созданных историками, принадлежащими к духовенству, начать следует с работ архим. Дамаскина (Орловского), который первым, еще с 1970-х гг., начал систематический сбор материалов по теме. Ценность полученных сведений представляется тем более значительной, что с началом «эпохи гласности», когда такая работа перестала быть полулегальной, многих информантов Владимира Александровича Орловского – мирское имя исследователя – уже не было в живых. С появлением возможности работы в архивах исследование было продолжено уже на новом уровне. В первой половине 1990-х гг. автор принимает активное участие в издании многотомной

истории Русской православной церкви, вышедшей в издательстве Валаамского монастыря.

К наиболее значительным работам 1990-х гг. по теме истории Церкви XX в., содержащим церковный взгляд на историю Церкви в СССР, относится исследование прот. Владислава Цыпина «История Русской Церкви (1917–1997)», вышедшее в 10-томнике церковной истории в издательстве Валаамского монастыря в 1997 г. Это первое в постперестроечной России исследование такого масштаба, содержащее важнейшие сведения, собранные в одной книге, и выражающее официальную позицию Церкви по отношению к событиям в ней описанным.

Говоря о работах авторов из числа духовенства, следует упомянуть исследования игум. Андроника (Трубачева), иер. Александра Мазырина, прот. Александра Козырева и др.

Главной темой работ игум. Андроника (Трубачева), доцента Московской духовной академии, стало исследование жизненного пути, творческого наследия и мученической кончины его деда отца Павла Флоренского. Помимо 6-томного труда «Путь к Богу», отец Андроник был автором нескольких книг по истории гонений на Церковь, например, такой как «Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918—1946 гг.», в которой опубликованы уникальные материалы о репрессиях против Церкви в первые годы советской власти.

Заслуживают рассмотрения исследования игумении Сергии (Ежиковой). В работе «Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец» автор обращается к знаковой фигуре церковной оппозиции – епископу Ковровскому Афанасию (Сахарову), яркому представителю катакомбной церкви. Преследования катакомбников были характерной чертой советской антицерковной политики 1930–1940-х гг., и игумения Сергия подробно описывает обстоятельства гонений. Работа основана на обширном корпусе архивных источников.

Среди работ светских историков прежде всего следует отметить работы, посвященные теме гонений на Церковь. К ним относятся исследования М.В. Шкаровского, такие как: «Русская православная церковь и Советское государство в 1943—1964 годах: От «перемирия» к новой войне»; «Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917—1945.»; «Насельницы Иоанновского монастыря и Вауловского скита, за Христа пострадавшие»; «Страдальцы за Веру Христову Санкт-Петербургской земли». Большинство работ историка описывают события, происходившие в Ленинграде и окрестностях, что неудивительно, так как автор работает в Санкт-Петербурге.

Работы историка, религиоведа, профессора СПбГУ С.Л. Фирсова посвящены истории взаимоотношений государства и Церкви: «Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века»; «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 — нач. 1940-х гг.: очерки истории»; «День прошлый, день грядущий». Ему же принадлежит уникальный в своем роде очерк «Церковно-историческая наука в 1990–2010-е гг.», где дана авторская оценка основным работам по заявленной теме.

Большой интерес представляют работы главного специалиста РГАСПИ, доктора исторических наук, профессора М.И. Одинцова, такие как: «Патриарх Сергий», «Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»; «Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг.», и некоторые другие. Вклад М.И. Одинцова в изучение истории Церкви советского периода не исчерпывается его научными исследованиями, но в значительной степени дополняется вводимыми им в научный оборот многочисленными архивными документами, впервые увидевшими свет благодаря его изысканиям.

Говоря о светских авторах, разрабатывающих тему положения Церкви в СССР, необходимо отметить работы профессора ПСТГУ А.А. Кострюкова, такие как «Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008 гг.)» и «Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.» и некоторые другие.

Нельзя не отметить важнейшие для настоящего исследования работы Л.А. Головковой, посвященные теме преследований священнослужителей и мирян, среди которых главными являются: «Бутовский полигон»; «Спецобъект НКВД «Коммунарка»; «Крестный путь Русской Церкви в XX веке», а также многочисленные доклады, сделанные ею на церковно-исторических конференциях, например «Московские расстрелы». На протяжении ряда лет с Л.А. Головковой сотрудничала О.И. Хайлова, автор ряда статей по теме антицерковной политики в СССР. Ее перу принадлежит монография, посвященная жизни, подвигу и мученической кончине архимандрита Неофита (Осипова).

В числе работ, посвященных репрессиям в отношении всего общества и Церкви, в частности, можно отметить работы: А.Л. Беглова «Русская православная Церковь. XX в.» и «В поисках безгрешных катакомб», посвященную тайным монашеским общинам в СССР; О.В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы», «Сталин и утверждение сталинской диктатуры»; И.А. Курляндского «Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки».

Следует отметить, что, говоря о постсоветском периоде историографии истории РПЦ, можно наблюдать тенденцию к сближению позиций светских и церковных историков в вопросах освещения советского периода церковной истории и появлению все более взвешенных оценок ряда дискуссионных тем, вызывавших в недавнем прошлом острую полемику. Что же касается отдельных направлений в историографии рассматриваемого вопроса, то, в отличие от советского периода, когда имели место два выраженных направления – «антицерковное» и «процерковное», в настоящее время самостоятельные направления еще не сформировались.

Рассматриваемый период на волне возросшего интереса к советской истории стал временем публикаций большого числа сочинений, созданных иностранными авторами. Между тем церковный приход и его положение в первые десятилетия советской власти самостоятельным предметом исследования в их работах не становились. Исключение составляют некоторые работы Г.Л. Фриза, но и его исследования по большей части обращены к дореволюционному периоду, хотя в ряде статей он рассматривает церковные приходы в первые годы советской власти.

Необходимо отметить работу швейцарского историка Г. Штриккера «История Русской православной Церкви в документах», созданную в 1988 г. и вышедшую на русском языке в двух книгах в 1995 г. Работа представляет собой сборник документов из ряда отечественных и зарубежных архивов и опубликованных источников, самые ранние из которых датированы концом 1917 г., и предваряется содержательной обзорной статьей о взаимоотношениях государства и Церкви в РСФСР и СССР. Эта статья в целом не утратила актуальности сегодня, и акценты, расставленные в ней, вполне соответствуют современному взгляду на заявленную тему.

Ш. Фицпатрик, австралийский и американский советолог, рассматривая вопросы внутренней политики советского государства, обращается к вопросам положения Церкви и верующих в СССР. Необходимо отметить работы таких авторов, как С. Коэн, Н. Верт, К. Шлегель, а также А. Гетти, взгляды которого отличаются от традиционных представлений о сталинизме.

В заключение историографического обзора по заявленной теме необходимо отметить работы, имеющие прямое отношение к вопросам положения церковного прихода в советской России.

Прежде всего, следует указать на диссертационное исследование А.Л. Беглова «Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы», посвященное главным образом дореволюционному периоду церковной истории, но затрагивающему и советский период. Краткий очерк о положении церковных приходов в СССР

содержится в 4-й главе работы. Следует отметить и иные работы этого автора, касающиеся приходской жизни в советский период. А.Л. Беглов в своих работах неоднократно обращал внимание на дискуссионность определения церковного прихода и на то, что первые попытки сформулировать такое определение были предприняты фактически только Поместным Собором 1917–1918 гг.

Вопросы церковных преобразований 1917–1918 гг. стали темой диссертационного исследования А.В. Соколова, в котором он дает развернутую характеристику изменения государственно-церковных отношений в России с февраля 1917 по январь 1918 г. в условиях революционных потрясений и трансформации государства.

В диссертации Ю.В. Гераськина «Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России)» уделяется внимание приходским вопросам. Автор долгое время работал над исследованиями приходской жизни Рязанской области, а в докторской работе обобщил накопленный материал, расширив его до нескольких областей центральной России. Исследования Ю.В. Гераськина отличает продуктивное сочетание регионального компонента с обстоятельным анализом положения Церкви в СССР в целом, однако церковный приход не являлся самостоятельным предметом его исследований.

В последние десятилетия были созданы диссертационные исследования о жизни церковных приходов в ряде областей СССР за исключением Московской.

Подводя итоги рассмотрению новейших исследований, посвященных анализу положения церковных приходов в России, необходимо отметить два издания, вышедшие в свет одновременно – в 2011 г., в которых сделана попытка рефлексии современных представлений о том, какое место должен занимать приход во всем церковном устройстве.

Прежде всего, следует отметить сборник «Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности» под редакцией А.С. Агаджаняна и К. Русселе, содержащий статьи различных авторов, посвященные главным образом эволюции церковного прихода за два десятилетия, прошедшие со времени «религиозного возрождения» 1990-х гг. Однако в сборнике имеется статья, содержащая ретроспективный взгляд на существование прихода в условиях советской религиозной несвободы, где автор – один из редакторов сборника А.С. Агаджанян – обращает внимание читателя на проблемы положения приходов в СССР, такие как: зависимость церковных институтов от государства и духовенства от священноначалия;

переосмысление прихода в плане структурного напряжения между понятиями «приход» и «община»; «насыщение» чисто административно-территориального понятия социальным и мистическим содержанием через совместное участие в религиозных практиках и общинной жизни. Принципиально важным в контексте настоящего исследования представляется определение в рассматриваемом сборнике церковного прихода как корневого элемента российской религиозности и даже вынесение этого определения в заглавие.

Также необходимо отметить сборник «Приход Русской Православной Церкви. Материалы к изучению приходской жизни», вышедший в издательстве ПСТГУ, где отмечены проблемы приходской жизни, имевшие место в начале 2010-х гг., но берущие свое начало в первых послереволюционных десятилетиях: отчужденность приходского храма от собственно прихода, зависимость от государства, невозможность самостоятельного принятия решения по ряду важных внутриприходских вопросов, земельные отношения и пр. Однако главной проблемой можно считать отсутствие осознания прихожанами прихода как духовной общности христиан, объединенных для совместной молитвы и общего церковного делания, что, возможно, является наследием советского богоборческого периода.

Делая попытку комплексного анализа результатов, достигнутых исследователями истории Православной российской церкви в первые десятилетия советской власти, можно констатировать, что этап ввода в научный оборот документов, имеющих в относительно свободном доступе для историков, развивается, хотя и не так активно, как это было в 1990-х гг. При этом процесс накопления и систематизации материалов продолжается одновременно с написанием новых работ, которые уже сегодня дают довольно полную картину развития государственно-церковных отношений в рассматриваемый период.

Выработана методология исторического исследования государственно-церковных отношений, представляющая собой совокупность описательного (нарративного), историко-генетического, историко-сравнительного, статистического, семиотического методов, а также метода исторической периодизации и контент-анализа.

Следует отметить, что многие идеологические стереотипы до сегодняшнего дня не преодолены, тем более что исследование прошлого часто увязывается с настоящим, деформируя реконструируемую историческую картину. Так, далеко не все акценты, расставляемые церковными исследователями, воспринимаются в качестве важных и принципиальных

светскими историками Церкви (например, Декрет «Об отделении церкви от государства»), который ряд историков готов считать политически корректным, а также и некоторые другие церковно-государственные установления). Если факт политических репрессий, как таковых, большинством историков в целом признается, то единодушие при оценке репрессий в отношении духовенства и верующих по церковно-религиозному признаку отсутствует. Довольно полно исследованы механизмы репрессий в разные периоды с 1918 г. до конца 1950-х гг., установлены многочисленные связи усиления или временного ослабления антицерковных гонений с внешне- и внутреннеполитической ситуацией, а также выявлена их зависимость от постановки и актуальности тех или иных государственных задач. Эти механизмы до известной степени позволяют определить адресность репрессий как в отношении групп (социальных, профессиональных, национальных, конфессиональных, территориальных и пр.), так и в отношении отдельных граждан. Однако проблема определения причины, почему одни священнослужители и миряне подвергались арестам, а другие – нет, с нашей точки зрения остается до конца нерешенной. Также недоисследованной остается проблематика государственной политики в отношении Церкви на приходском уровне в целом, включая ее цели, направления, механизмы, содержание и последствия. Достигнутый уровень научного знания объясняется в том числе ограниченностью источниковой базы, что в значительной степени повлияло на отсутствие обобщающей работы диссертационного или монографического уровня по заявленной теме.

Объектом исследования является политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1918–1958 гг.

Предмет исследования – совокупность ключевых характеристик политики советского государства в отношении приходов Московской области в 1918–1958 гг., включающая цели, направления, содержание, реализацию и последствия в отношении приходского духовенства и мирян.

Цель работы: на основе комплексного анализа широкого круга источников раскрыть в их динамике основные характеристики политики советского государства в отношении церковных приходов в Московской области в 1918–1958 гг.

Цель работы может быть достигнута решением следующих **исследовательских задач:**

– Проанализировать администрирование приходской жизни как направление политики советского государства в отношении церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.;

- Исследовать практики и динамику закрытий приходских храмов в 1920–1940-х гг.;
- Выявить идеологическую и пропагандистскую составляющие государственной антирелигиозной политики;
- Изучить специфику политических преследований в отношении приходского духовенства, членов церковных советов и сотрудников приходов в Московской области в 1920–1950-х гг.;
- Определить меры экономического характера, предпринимавшиеся государством для воздействия на церковные приходы в Московской области;
- Провести анализ результатов государственной политики СССР в отношении церковных приходов в Московской области в 1918–1958 гг.

Хронологические и территориальные рамки

Хронологически исследование охватывает период с 1918 г. по 1958 г. Нижняя граница определяется принятием в январе 1918 г. Декрета СНК «Об отделении церкви от государства», ставшего основополагающим документом для всей последующей государственной политики в отношении всех религиозных конфессий и организаций, существовавших на территории СССР, и в том числе для Православной российской церкви. Верхняя граница выбрана как момент начала нового периода антицерковной политики, ознаменовавшегося очередной волной антицерковных и антирелигиозных гонений на Церковь, вошедших в историографию под названием «хрущевских», характеризовавшихся сменой воинствующего атеизма на научный и репрессий в отношении духовенства и верующих на их «перевоспитание».

Территориальные рамки исследования определяются административными границами Московской губернии/области с учетом изменений ее административного деления в рассматриваемый временной промежуток.

Научная новизна работы состоит в том, что в научной литературе церковный приход Московской губернии/области в контексте государственно-церковных отношений в 1918–1958 гг. никогда прежде не являлся предметом исследования. Впервые церковный приход рассматривается как базовый структурный элемент церковного устройства, что обусловило его положение в качестве точки приложения усилий по борьбе с Церковью и религией со стороны государства в период господства официально насаждавшихся атеистических воззрений.

Диссертация впервые вводит в научный оборот значительный объем архивных материалов федеральных, региональных и ведомственных архивов, отражающих деятельность властных структур в сфере государственно-

церковных отношений. Кроме того, в работе обобщен многолетний опыт «полевой» работы автора с потомками священно- и церковнослужителей, а также приходских работников рассматриваемого периода.

В исследовании впервые выявлены критерии для различных групп лиц, подвергавшихся преследованиям по церковно-религиозному признаку в 1918–1950-х гг. К ним относились не только представители духовенства и верующие, не скрывавшие свое отношение к Церкви, но также сотрудники приходов, члены церковных советов и бывшие члены православных объединений. В работе анализируются обстоятельства преследований членов катакомбных религиозных объединений и «церковников», помогавших возвращавшимся из ссылки осужденным по церковно-религиозному признаку представителям духовенства и монашествующим, не имевшим возможности поселиться в местах, своего прежнего проживания. В исследовании впервые использована авторская методика выявления перечисленных групп лиц через комплексный анализ ряда архивных документов.

Практическая значимость исследования определяется перспективой использования его результатов и материалов на следующих направлениях: во-первых, в курсах лекций по истории Церкви в СССР и региональной истории Московской области; во-вторых, в подготовке и проведении научных конференций, тематически связанных с положением Церкви в СССР; в-третьих, результаты работы, ее методология и введенные в научный оборот источники расширяют направления последующих исследований по теме церковной истории XX в., что позволяет говорить об их возможном масштабировании на другие административные образования Российской Федерации; в-четвертых, материалы исследования дают практический фундамент для дальнейшей работы по восстановлению исторической памяти подмосковных приходов в XX в., духовенства и прихожан, что является одной из задач, поставленных церковноначалием перед благочиниями и приходами Московской митрополии.

Теоретические и методологические основания

В теоретическом отношении данная работа опирается на сочетание нескольких классических и современных подходов, что позволило существенно расширить спектр исследуемых проблем. Базисом, своего рода «несущей конструкцией» в понимании и трактовке исследуемого явления – советской государственной политики в отношении церковных приходов, – стала интеграция элементов цивилизационного и институционального подходов.

Представление о цивилизации как обособленном, культурно-гомогенном социальном образовании, лежащее в основании концепции

А. Дж. Тойнби², позволило рассматривать советскую модель общественного устройства как цивилизационное образование, с самых первых своих шагов столкнувшееся с необходимостью взаимодействия с прежними цивилизационными основаниями, главным из которых, а, по сути, единственным, оставалась Церковь. Согласно А. Дж. Тойнби, «вселенская церковь», понимаемая как религиозная институция, присущая определенной цивилизации, а также религиозные воззрения населения являются важнейшим критерием, по которому можно классифицировать цивилизационный генезис по форме преемственности³. Это положение в полной мере применимо к выраженному стремлению советских идеологов заменить «старую» религию «новой», типологически сохраняя формы религиозного почитания и ритуалы, свойственные церковным.

Доминирующее влияние религиозных воззрений на формирование цивилизаций (культурно-исторических типов) отмечал также и Н.Я. Данилевский, утверждавший при этом, что «цивилизация – есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, и цивилизация все это в себе заключает»⁴. Однако, если религия, являясь фактором, влияющим на цивилизацию, находится одновременно в подчиненном ей положении, то для отдельного верующего человека «религия имеет несравненно большую важность, нежели все остальное, что мы разумеем под именем цивилизации, и не объемлется цивилизацией, потому что по самой сущности своей выходит за пределы земного»⁵.

Из весьма близкого понимания сути и содержания цивилизации исходил и С. Хантингтон. «Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, – утверждает он, – наиболее важным, однако, является религия... Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира»⁶. Подчеркивая взаимосвязь этих явлений, американский социолог одновременно видел в ней основу будущего конфликта и столкновения цивилизаций.

В известном смысле, если применить формулу С. Хантингтона не в проспекции, как это делал сам ее автор, а в ретроспекции, то вполне

² Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. М., 1991. 736 с.

³ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 77.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. С. 156.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 49.

очевидной представляется возможность понимания сути советской государственной политики в отношении Церкви как строящейся новой цивилизационной системы, оказывавшейся в состоянии конкурентного конфликта с уцелевшим институтом прежней цивилизации. Изначально идеологически предопределенный атеистический характер советской цивилизации неминуемо входил в «столкновение» с ключевым институтом предшествующей цивилизации⁷.

Изначальная неизбежность конфликтного характера взаимодействия советского государства с Церковью предопределила институализацию этого конфликта, как процесса установления формальных, а, зачастую, неформальных норм и правил деятельности властных организаций в рамках реализации советской антирелигиозной политики на уровне церковных приходов. Исследование этой важнейшей составляющей государственной политики в отношении Церкви в нашем случае представляется целесообразным на основе «исторического институционализма» Дугласа С. Норта, предложившего рассматривать институты как «правила игры... которые организуют взаимоотношения между людьми»⁸. Несмотря на то, что Д. Норт разделяет понятия «институт» и «организация», относя церковь, в числе прочих, к последним, и уточняя, что «организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели», он же утверждает, что «решающее влияние на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются» оказывают именно институциональные рамки⁹. Обращение к данной концепции позволяет исследовать процесс взаимодействия институтов как организаций внутри советского государства, проводившего антирелигиозную политику с Церковью, рассматриваемой не столько с экклесиологической точки зрения, сколько в качестве социального института, характеризующегося своей структурой, системой управления, материальной базой, воспроизводством кадров, нормами морали и пр.

Выбор указанного сочетания методологических подходов позволил сформировать набор примененного методического инструментария. Для достижения заявленной цели и решения поставленных задач в работе

⁷ В этой связи весьма примечательно, что на охранительный характер религиозной деятельности для цивилизации указывал еще Н.Я. Данилевский. (См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. С. 577, 578.)

⁸ Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

⁹ Там же. С. 21.

использована совокупность общенаучных и собственно исторических методов научного исследования.

Историко-генетический метод позволил выявить последовательный ряд причин, оказавших влияние на имевшие место события. С этих позиций в работе рассматриваются, например: дискуссия о причинах и корнях возникновения обновленческого движения весной 1922 г.; Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г.; Постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» 1929 г., создание Совета по делам РПЦ в 1943 г. и многие другие.

Для объективного и комплексного анализа политики советской власти в отношении церковных приходов в работе используется историко-системный метод, предполагающий анализ отдельных исторических фактов с точки зрения раскрытия их внутренних связей и с учетом конкретно-исторических обстоятельств и условий, включая такие, на первый взгляд, неочевидные, как, например, географическое положение Московской области, размер ее территории, климат и пр. Метод историко-системного анализа применялся при рассмотрении самых разных процессов: введение пяти- и шестидневной недели и его разрушительные последствия для церковного календаря; лишение избирательных прав членов церковных советов; возвращение в лоно Церкви духовенства и прихожан, уклонившихся в обновленческий раскол; принятие советским руководством решений о судьбе открывавшихся самовольно приходских храмов в самом конце и сразу после Великой Отечественной войны и пр.

Сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении исторических объектов в пространстве и времени, использовался в работе для сравнения положения церковных приходов, как внутри рассматриваемого временного промежутка – 1918–1958 гг., так и вне его пределов. Главным образом это относится к сравнительному анализу функционирования церковного прихода до революции 1917 г., а также к дискуссии, которую вызвал приходской вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг., выработавшем приходский устав, положения которого, оставшись в значительной своей части на бумаге, определяли место прихода в Церкви и обществе в представлениях церковного законодателя того времени.

Одним из ключевых методов, использовавшихся в работе, является синхронный метод, предполагающий изучение исторических событий, происходивших в одно и то же время с целью установления связей между ними. Этот метод был особенно эффективным при анализе периодов усиления и ослабления давления на Церковь и церковные приходы на протяжении всего рассматриваемого временного промежутка. Наряду с очевидными причинами

(голод 1920–1921 гг., неудачи в колхозном строительстве, результаты переписи 1937 г.), сравнительный метод позволил выделить неочевидные причины ужесточения гонений (Бернский процесс 1935 г.).

Нарративный метод использовался для комплексного анализа содержания источников (прошений, заявлений, отчетов, объяснений) и представлений их авторов о событиях, происходивших в церковных приходах, свидетелями или современниками которых они были.

Для анализа процессов, происходивших в сфере государственно-церковных взаимоотношений, использовался метод периодизации, нашедший отражение в структуре каждой главы диссертационного исследования.

Метод структурно-функционального анализа, используемый в работе, позволил эффективно рассматривать отдельные аспекты взаимодействия советских органов с Церковью и элементами ее устройства, как целостную систему, обладающую определенной структурой, каждый элемент которой имеет свое назначение и выполняет специфические функции, направленные на удовлетворение потребностей всей системы. С этих же позиций рассматривается и встречная деятельность Церкви и ее структурных элементов в ответ на вызовы советской политики.

Кроме того, для анализа взаимодействия советских политических институтов с Церковью используется институциональный метод, с помощью которого в работе рассматривается деятельность членов государственных и негосударственных институтов.

Для комплексного объективного анализа большого объема однотипной информации (анкеты, комплекты документации для перерегистрации церковных общин) применялся метод формализации. С его помощью удавалось глубже интерпретировать тексты и выявлять скрытые слои информации. Также в работе был использован метод контент-анализа.

Количественный метод широко использовался в работе для оценки процессов взаимодействия советских органов с церковными приходами и Церковью в целом. С его помощью удалось провести сравнительный анализ числа храмов, закрываемых и продолжавших действовать в различные периоды, выявить количественный состав лиц, лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку, с разбивкой по уездам и волостям Московской губернии. Кроме того, количественный метод в сочетании со статистическим анализом позволил исследовать ходатайства верующих, с которыми они обращались в профильные государственные структуры (Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, Совет по делам РПЦ) по комплексу вопросов, связанных с функционированием приходов.

Для удобства восприятия в работе использован метод наглядного представления в виде таблиц, диаграмм и графиков.

Источниковую базу исследования составляют законодательные акты, определявшие государственную политику СССР в отношении Церкви, делопроизводственная документация, статистические материалы и отчеты различных ведомств и учреждений по вопросам реализации государственной политики в отношении Церкви и верующих, а также источники личного происхождения (письма, дневниковые записи, мемуарная литература). Часть использованных источников опубликована в различных изданиях. Значительный объем материалов в процессе работы над настоящим исследованием введен автором в научный оборот впервые.

В работе были исследованы более 100 фондов из более, чем 20 архивов, таких как: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО), Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы), государственные архивы Владимирской (ГА ВО); Рязанской (ГА РО); Калужской (ГА КО); Смоленской (ГА СО) и Тверской (ГА ТО) областей; Архив Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви (Архив митрополии РПСЦ); Текущий архив Синодальной комиссии РПЦ по канонизации святых, Центральный архив ФСБ, Архивы ФСБ по Брянской, Владимирской и Смоленской областям; Архив департамента Комитета национальной безопасности республики Казахстан по г. Аламаты и Акмолинской обл.; Специальный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции Жамбылской области республики Казахстан, а также муниципальные архивы городов Московской области: Архивного отдела администрации г. Бронницы (БГА); Архивного отдела администрации Воскресенского района МО и Раменского архивного управления.

В работе использованы *материалы периодической печати*, основную массу которых составляют статьи и заметки уездных и районных газет Московской губернии/области 1920–1930-х гг. Во всех уездных (и тем более районных) городах в советское время издавалась своя газета, а в некоторых случаях – не одна («Авангард». Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета, «Волоколамский колхозник». Газета колхозов Волоколамского района, «Набат». Орган Оргбюро Серпуховского Горрайкома ВКП(б); «Подольский рабочий». Орган Подольского РК ВКП(б), РИКа,

Горсовета и РСФСР; «Серп и молот». Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл.; «Коммунист». Орган Серпуховского Горкома ВКП(б) и Райисполкома; «Известия Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда»; «Новый пахарь». Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро и др.). Самые ранние уездные листки, материалы из которых использованы в исследовании, датируются уже 1918 г. Церковная пресса попадает в круг рассмотрения настоящего исследования уже только в послевоенный период, когда в возобновившемся Журнале Московской Патриархии начинают публиковаться материалы, направленные на утверждение нового курса государственно-церковных отношений.

Важными источниками исследования стали *статистические и административные справочники*. К ним прежде всего относятся справочники, издававшиеся Московскими губернскими статистическими органами. В этих справочниках имеется актуальная на момент их издания информация по числу жителей с разбивкой по уездам и волостям Московской губернии, по роду их занятий, возрастному составу, грамотности, абсолютным и удельным показателям о правонарушениях и пр. Имеются сведения о средней заработной плате занятых в различных отраслях народного хозяйства, о стоимости продуктовой корзины и качестве питания жителей Московской губернии. Кроме того, значительные объемы справочно-статистической информации почерпнуты в разного рода справках, составлявшихся в различных ведомствах по специальным требованиям. В качестве образцов таких справок можно указать, например, на «Справку о молитвенных зданиях в СССР и служителях культа по данным комиссии по вопросам культов ЦИК СССР на 1/IV-1936 года», «Справку ЦСУ о численности верующих в СССР и их распределении по религиям по переписи 1937 г.», «Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г.», а также регулярные доклады уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпову.

В числе справочников, использованных в настоящем исследовании, необходимо отметить некоторые базы данных, размещенные в сети интернет. Прежде всего следует указать на базу данных «Открытый список жертв политических репрессий». Это наиболее полное и постоянно пополняемое и актуализируемое собрание имен и кратких биографий пострадавших в период политических репрессий. В интернет-ресурсе ПСТГУ «За Христа пострадавшие» сосредоточены имена репрессированных по церковно-религиозному признаку, и они, таким образом, тематически является наиболее

близким к настоящему исследованию. Говоря о базах данных, посвященных репрессированным по церковно-религиозному признаку, следует упомянуть «Региональный общественный фонд «Память новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

Отдельной группой источников, использованных в работе, являются многочисленные *агитационные антицерковные и антирелигиозные издания* (книги, брошюры, справочники, атеистические учебники, песенники и пр.), издававшиеся в 1920-х и главным образом в 1930-х гг. массовыми тиражами. Среди этой печатной продукции особо необходимо выделить издания Союза воинствующих безбожников, так как они создавались относительно подготовленными авторами с последующей редактурой, что в целом придавало им более «научный» вид.

Заметную часть источниковой базы представляют *дневниковые записи и мемуары*, а также переписка участников событий 1920–1950-х гг., связанных с гонениями на Церковь, и их потомков. Среди мемуарной литературы необходимо выделить дневниковые записи свидетелей послереволюционных событий, происходивших в Москве и в других городах РСФСР и СССР, в той их части, которая касалась положения Церкви и «церковников» в советской России.

Совокупность использованных в работе источников позволила решить поставленные исследовательские задачи.

Положения, выносимые на защиту

В результате изучения ключевых характеристик политики советской власти в отношении церковных приходов удалось выявить и исследовать ее цели, направления, содержание и последствия, что нашло отражение в следующих положениях, выносимых на защиту.

1. Церковный приход в течение столетий являлся и является по сей день базовым, основополагающим элементом церковного устройства и в течение всего рассматриваемого периода (1918–1958 гг.) воспринимался в таком качестве как светскими, так и духовными властями. Положение прихода в церковном и государственном устройстве подробно обсуждалось в период работы предсоборных присутствия и совещания в начале XX в. в рамках подготовки к Поместному Собору Русской Церкви. После 1917 г. роль церковного прихода как важнейшего элемента церковного организма осознавалась на государственном уровне, что подтверждается значительным корпусом декретов и постановлений, регулирующих его положение в советском государстве. Полное подчинение прихода и контроль над приходом и приходской жизнью, таким образом, следует рассматривать как ключевую

составляющую антирелигиозной и антицерковной политики советского государства. Эта деятельность в период 1918–1958 гг. проводилась одновременно по четырем направлениям: административному, пропагандистско-идеологическому, репрессивному и экономическому.

2. Подавление жизнедеятельности церковных приходов административными методами обеспечивалось решением двух основных задач – регулирования церковной жизни и установления постоянного контроля за всеми ее проявлениями. Методы решения этих задач варьировались и видоизменялись. В отдельные временные промежутки степень вмешательства в деятельность Церкви менялась, но неизменным оставалось выраженное желание властей устанавливать жесткие правила существования Церкви и ее структурных элементов в соответствии с государственными представлениями о целесообразности таковых, а также с внутри- и внешнеполитической ситуацией. Администрирование церковной приходской жизни в СССР в 1918–1958 гг. разбивается на три периода, каждый из которых определяется работой трех государственных структур, создававшихся для решения актуальных задач в сфере государственно-церковных отношений: Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б), Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и Совета по делам Русской православной церкви. Этим периодам соответствовали задачи принуждения, подавления и полного подчинения Церкви советскому государству, которые в целом можно считать решенными.

3. Антирелигиозная и антицерковная пропаганда в СССР, имевшая своей целью создать идеологические основы для борьбы с Церковью, развивалась по ряду направлений: распространение антирелигиозной идеологии, снижение авторитета Церкви и священнослужителей, формирование представлений о духовенстве как о тунеядцах и эксплуататорах, создание образа врага из активных верующих и служителей Церкви. На приходском уровне антирелигиозные и антицерковные пропагандистские задачи решались посредством организации митингов, лекций, диспутов соответствующей направленности, устройства и распространения ячеек Союза воинствующих безбожников, а также инспирированием раскольнических движений, наиболее разрушительным из которых стало обновленчество. В целом, можно констатировать, что антирелигиозная и антицерковная пропаганда на приходском уровне в рассматриваемый период, меняя формы и направления удара, но никогда не прекращаясь полностью, своей главной цели не достигла, о чем свидетельствуют результаты переписи 1937 г.

4. Прямые репрессии по церковно-религиозному признаку на приходском уровне проводились в отношении лиц, соответствовавших определенным критериям. Ими становились представители духовенства, члены церковных советов, сотрудники приходов, активные прихожане, а также бывшие члены православных объединений. Периодизация политических преследований приходского духовенства и мирян соответствует периодам работы силовых советских органов (ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ), в чьи задачи входило в том числе и подавление деятельности «церковников».

5. Разрушение церковного прихода путем подрыва его экономики являлось эффективным методом, использовавшимся властями для борьбы с Церковью. Церковь в советском государстве лишалась практически всех средств к существованию и одновременно своего имущества, которое не могло быть использовано в качестве инструмента для какой-либо хозяйственной деятельности. Налоговая политика советской власти по отношению к церковным приходам была дискриминационной. Трудности, с которыми сталкивался приход при выплате налогов, создавались властями с очевидной целью ослабить приход, а в случае длительной просрочки – прекращения его деятельности путем расторжения договора на пользование храмом. В последние предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны экономическое давление на немногочисленные оставшиеся действовавшими приходы ослабевает, что уже в послевоенный период привело к постепенному налаживанию приходской хозяйственной жизни. Однако в 1958 г., на пороге новых гонений на РПЦ, вошедших в историографию под названием «хрущевских», церковно-экономическая политика пересматривается.

6. К началу нового витка гонений на Церковь в конце 1950-х гг. приходская богослужебная и хозяйственная деятельность на территории г. Москвы и Московской области полностью контролировалась Советом по делам РПЦ при СМ СССР. Любые попытки выйти из-под контроля и проявления какой-либо самостоятельности незамедлительно становились известными курирующим Церковь органам благодаря постоянному мониторингу ситуации на приходах и ежеквартальной системе отчетности, принятой в Совете по делам РПЦ. Председатель Совета и уполномоченный по Москве и Московской области – выходцы из спецслужб – работали в тесном контакте с органами МГБ, МВД и местными исполкомами. Церковь с 1943 г. находилась в фактическом подчинении у советского государства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность полученных в настоящем исследовании выводов определяется репрезентативностью привлеченных источников и корректным использованием исследовательских методов. Основные результаты работы

были отражены в 45 публикациях, из них 18 в журналах, рецензируемых ВАК. По теме диссертационного исследования было издано 13 монографий, среди которых следует выделить многотомное продолжающееся издание «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области». В настоящее время в свет вышли первые шесть томов, седьмой том находится в работе. Автор регулярно принимает участие в различных международных и российских научных форумах, конференциях, круглых столах, где знакомит научную общественность со своей работой. Также апробация результатов исследования проводилась в рамках его обсуждения на кафедре Истории России новейшего времени РГГУ.

Материалы настоящего исследования нашли применение в лекционных курсах по теме истории, историографии и архивоведения Русской православной церкви, а также региональной истории Московского региона, которые автор читал и читает в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) и Коломенской духовной семинарии (КДС).

Общий объем опубликованных автором материалов по теме исследования составляет более 550 а.л.

Структурно исследование построено по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, четырех глав и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, формулируется его объект, предмет, цель и задачи, определяются теоретические и методологические основания, территориальные и хронологические рамки, степень изученности, источниковая база, научная новизна и практическая значимость, определяется научная проблема.

В **первой главе** «ГОСУДАРСТВЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ В 1918–1958 гг.» предпринимается анализ форм, методов и результатов государственного администрирования приходской жизнедеятельности, под которым понимается вмешательство во внутриприходскую жизнь с целью контроля, установления форм взаимодействия с государственными органами, а также создания препятствий для ее нормального функционирования, вплоть до закрытия храмов и уничтожения православного прихода как основного структурного элемента церковного механизма.

В первом параграфе «Цель, задачи и периодизация администрирования жизнедеятельности приходов» утверждается, что магистральная цель советской антицерковной и антирелигиозной политики достигалась деятельностью по нескольким крупным направлениям, одним из них следует считать жесткое администрирование функционирования Церкви на всех уровнях от епархий до прихода. Рассматривая такую государственную политику как самостоятельное направление, автор определяет в качестве ее цели обеспечение полного подчинения жизнедеятельности Церкви государству. Достижение указанной цели обеспечивалось решением двух основных задач – регулирования церковной жизни и установления постоянного контроля за всеми ее проявлениями. И то, и другое было невозможным без активного вмешательства во внутрицерковные дела. Методы решения этих задач варьировались и видоизменялись в течение рассматриваемого периода. В отдельные временные промежутки степень вмешательства в деятельность Церкви снижалась, но неизменным оставалось выраженное желание властей устанавливать жесткие правила существования Церкви и ее структурных элементов в соответствии с государственными представлениями о целесообразности таковых, а также с внутри- и внешнеполитической ситуацией.

Администрирование церковной приходской жизни в СССР в 1918–1958 гг. разбивается на три периода. Каждый из них характеризовался определенными особенностями и интенсивностью администрирования церковной жизни, следовавшими в русле общецерковной государственной политики. Каждому из них соответствовала деятельность конкретного государственного органа, в чьи задачи входило взаимодействие с Церковью и контроль за ее существованием.

Первый период охватывает временной промежуток от 1918 г., когда вступил в действие Декрет «Об отделении церкви от государства», до выхода в апреле 1929 г. Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях». Большую часть этого времени вопросы государственного администрирования церковной деятельности были возложены на Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б). Второй период, связанный с деятельностью Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, продолжался до осени 1943 г., когда в государственно-церковных отношениях произошли существенные изменения. Третий период начался с образования Совета по делам Русской православной церкви (1943 г.) и завершился в 1958 г. с началом нового витка антицерковной политики.

Такая периодизация обусловлена следующими основными задачами администрирования приходской жизни:

Задача первого периода (1918–1929 гг.) – выработка стратегии воздействия на приходы и Церковь в целом.

Задача второго периода (1929–1943 гг.) – подавление приходской жизни и Церкви в целом.

Задача третьего периода (1943–1958 гг.) – полное подчинение жизнедеятельности церковных приходов государству.

Во втором параграфе «Административные принуждение и контроль» автор приходит к выводу о том, что методы администрирования в форме принуждения и контроля в основном сводились к требованию обязательной регистрации и контролю за соблюдением религиозными обществами/группами исполнением действующего законодательства. Наибольшая активность администрирования в этой форме наблюдается во втором периоде (с 1929 г по 1943 г.), когда ее задачей было подавление приходской жизнедеятельности. Именно в этот период положение приходов ужесточается, устанавливаются дополнительные ограничения на некоторые формы хозяйственной деятельности, а введение пяти- и шестидневной рабочей недели ломает богослужебный цикл, что приводит к оттоку прихожан из храмов, но не изменяет уровня народной религиозности, о чем выразительно свидетельствуют результаты всесоюзной переписи 1937 г. В третьем периоде, когда задачей администрирования церковной приходской жизнедеятельности стало подчинение государственным интересам, основным методом стал контроль за исполнением государственных установлений. Каждый из методов администрирования, таких как принуждение и контроль, характеризовался большей или меньшей силой разрушительного воздействия на организацию приходской жизни и был направлен на различные ее стороны – от состава духовенства и церковного актива до богослужебного календаря. Все сферы деятельности прихода жестко регламентировались, а любые отклонения от установленных норм предполагали систему репрессивных мер, главной из которых было возможное закрытие храма и уничтожение прихода.

Третий параграф называется «Административное манипулирование». Под этой формой администрирования приходской жизнедеятельности понимается совокупность методов воздействия на приходское духовенство, членов церковных советов, сотрудников приходов и активных прихожан, направленная на формирование у указанных граждан представлений о том, что приходская деятельность возможна постольку, поскольку это представляется допустимым действующей властью. Нормы законодательства при этом могли трактоваться довольно широко, а их правоприменение находилось в компетенции местных советских органов. Так, например, лишение избирательных прав, являвшееся в своей основе репрессивной мерой,

применявшейся, в соответствии с Конституцией 1918 г., в обязательном порядке в отношении духовенства, становилось предметом манипуляций в отношении членов приходских советов. Угрозы закрытия храма в форме манипулирования часто становились аргументом в пользу того, чтобы приход неукоснительно выполнял все распоряжения советской власти в сфере отчетности и налогообложения. Административное манипулирование приходской жизнедеятельности представляло собой своеобразную схему, при которой находящиеся внутри церковной ограды граждане становились искусственно маргинализируемым сообществом, в отношении которого законодательство могло быть применено, а могло и нет. Столь неустойчивое положение предполагало желание от него избавиться, и это было вполне возможным. Для этого следовало: для священников – снять с себя сан; для членов церковных советов – выйти из их состава; для сотрудников прихода – найти для себя иную работу, а для верующих – перестать поддерживать существование прихода.

В настоящем параграфе рассмотрены следующие методы, администрирования приходской жизнедеятельности в форме манипулирования:

- манипулирование угрозами лишения избирательных прав и раскулачивания
- манипулирование возможностью организации и участия верующих в традиционных религиозных манифестациях (крестные ходы, паломничества, почитание святых источников и пр.)
- влияние на состав приходских советов и органов управления приходами
- поддержка обновленческого движения и манипулирование угрозами закрытия храмов
- вмешательство во внутрицерковную и приходскую жизнь с целью создания положительного имиджа церковно-государственных отношений в СССР.

Автор приходит к выводу, что методы администрирования приходской жизнедеятельности в форме манипуляции были наиболее мягкими (в сравнении с принуждением и репрессированием) способами воздействия на действия приходского духовенства, членов церковных советов, и прихожан в целом. Используя эти методы, власть как бы предлагала «церковникам» самим решать, насколько значимым для них является существование прихода и возможность молиться в «своем» храме. Отсутствие конкретики в законодательстве о культе давало широкие возможности для трактовки ряда его норм, что и становилось полем для манипуляций.

В четвертом параграфе «Административное репрессирование» отмечается, что основным методом администрирования приходской жизнедеятельности, используемым в форме репрессирования, было закрытие храмов с последующим распадом и уничтожением приходов. Кроме этого, в форме административного репрессирования следует выделить метод снятия по различным основаниям с регистрации священнослужителей, применявшийся в послевоенные годы. От методов в формах принуждения, контроля и манипуляции, административные методы в форме репрессирования отличала их радикализация и выраженная направленность на уничтожение прихода. Закрытия храмов достигли своего максимума во втором периоде администрирования приходской жизнедеятельности, главной задачей которого было ее подавление, когда дальнейшее положение Церкви стало вопросом дискутируемым.

В заключении главы автор приходит к выводу о том, что функция администрирования приходской жизни рассматривалась большевиками в числе важнейших с самых первых месяцев их прихода к власти. Варьируясь по форме, она всегда являлась доминирующей в формировании государственно-церковных отношений на всем протяжении советского периода отечественной истории. Анализ форм администрирования приходской жизни позволяет сделать вывод о том, что на протяжении рассмотренного периода она имела устойчивую тенденцию к упорядочению отчетности и документооборота и усложнению своей структуры.

Во второй главе «РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРИХОДСКОМ УРОВНЕ АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ И АНТИЦЕРКОВНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЗАДАЧ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1918–1941 гг.» рассмотрена реализация антирелигиозных и антицерковных идеологических и пропагандистских задач органов советской власти на приходском уровне в период с 1918 по 1941 г. Верхняя граница этого промежутка совпадает не только с началом Великой Отечественной войны, но и с окончанием работы главного печатного органа в области антирелигиозной пропаганды – газеты «Безбожник», что представляется вполне логичным. Исследовательской задачей, решение которой представляется необходимым для достижения поставленной цели, является рассмотрение и анализ антирелигиозной пропаганды, проводимой властями на территории Московской губернии/области в предвоенные десятилетия.

В первом параграфе «Антирелигиозная и антицерковная пропаганда в 1918–1941 гг.: цель, формы и содержание» определяются ключевые характеристики одного из главных направлений советской антирелигиозной политики. Целью антирелигиозной и антицерковной пропаганды на уровне

церковных приходов было формирование общественного мнения таким образом, чтобы постепенная и, в конечном итоге, полная ликвидация Церкви воспринималась обществом, как естественный и закономерный процесс, пусть и не всеми поддерживаемый.

Цель определяла задачи, среди которых можно выделить:

- Распространение антирелигиозной идеологии;
- Снижение авторитета Церкви и священнослужителей;
- Формирование представлений о духовенстве как о туеядцах и эксплуататорах;
- Создание образа врага из активных верующих и служителей Церкви;
- Формирование негативного отношения к религии и Церкви на бытовом уровне.

Каждая из этих задач распадалась на множественные составляющие, которые предполагали применение определенного набора антирелигиозных пропагандистских практик, направленных на решение какой-то отдельной или нескольких задач.

Перечисленные задачи решались в рамках определенных форм антирелигиозной пропаганды на уровне приходов, которые можно разделить на три основные группы:

- Встречи с пропагандистами (лекции, диспуты, митинги, конференции);
- Создание и публикация антирелигиозных текстов (книги, брошюры, статьи в периодических изданиях и некоторые периодические издания целиком) и наглядная агитация (лозунги и плакаты, карикатуры);
- Организация антирелигиозных мероприятий, направленных на десакрализацию церковной жизни (общественное порицание участия в церковной жизни, вмешательство в личную жизнь, организация представлений карнавального типа, высмеивавшие духовенство и пародировавшие церковные таинства и обряды).

Все эти формы антирелигиозной пропаганды активно использовались на приходском уровне на территории Московской губернии/области. Однако на состояние религиозности населения они не произвели ожидаемого влияния. С одной стороны, это подтверждается периодически повторяющимися в протоколах заседаний районных партийных и советских органов указаниями на то, что «уровень религиозности» снижается медленно или не снижается вовсе. С другой стороны, это наглядно продемонстрировали результаты Переписи населения СССР, произведенной в начале 1937 г., согласно которым, по состоянию на январь 1937 г., более 50 % взрослого населения СССР объявили себя верующими. Однако говорить о том, что

антирелигиозная пропаганда не возымела никакого действия или ее влияние было незначительным, также невозможно. Несомненно, что определенное воздействие она оказывала, так как число верующих неуклонно сокращалось, хотя и не такими темпами, которые были бы желательны властям.

Во втором параграфе «Деятельность Союза воинствующих безбожников на церковно-приходском уровне» предложена периодизация деятельности СВБ на территории Московской губернии/области, проведен анализ направлений и форм деятельности СВБ в различные периоды его существования, рассмотрены результаты деятельности СВБ в контексте генезиса его взаимоотношений государственными структурами СССР.

Деятельность СВБ в Московской губернии/области распадется на три периода, различных по длительности и выразительно отличавшихся друг от друга. Первый период можно назвать «подготовительным». Он продолжался с начала 1920-х гг., когда «безбожное» движение проходило стадию формирования, до 1925 г., когда был образован Союз безбожников. Эту дату следует считать началом второго периода движения безбожников в СССР. Он характеризовался директивным вовлечением в члены Союза всех желающих, а также массовым открытием ячеек во всех относительно крупных населенных пунктах. В областных и уездных центрах отделения СБ должны были иметься в определенном количестве, исходя из численности населения. Кроме того, первичные ячейки лавинообразно открывались в селах и даже деревнях. Характерной чертой второго периода деятельности Союза безбожников стало его агрессивное продвижение в общественную жизнь. Уже весной 1925 г. в уездах Московской губернии были созваны первые конференции СБ, где одной из главных задач, помимо собственно антирелигиозной пропаганды, выдвигалась необходимость самого широкого рекрутинга населения в ряды безбожников. Местные власти были обязаны регулярно отчитываться о том, как работают местные ячейки Союза, сколько в них членов и не наблюдается ли отток записавшихся. Выдвигались лозунги, что все партийцы обязаны вступать в ряды СБ, подписываться на газету «Безбожник» и прочие издания Союза. Однако протоколы конференций СБ, заседаний уездных советов, материалы периодической печати свидетельствуют о том, что население Московской губернии деятельность Союза не поддерживало, а те, кто по разным причинам в СБ записался, вскоре стали в массовом порядке выходить из ячеек или, что происходило чаще, просто переставали принимать какое-либо участие в их деятельности. Третий период деятельности Союза безбожников начался в июне 1929 г., когда на II съезде СБ безбожное движение получило новое название – Союз воинствующих безбожников. Переход антирелигиозной пропаганды в 1929 г. на новый уровень явился

причиной особенной востребованности СВБ как главного пропагандистского инструмента. 1929 г. стал моментом наибольшей государственной поддержки СВБ и, как следствие, высшей точкой развития последнего. Однако уже с начала 1930-х гг. эффективность работы ячеек СВБ на территории Московской области неуклонно снижалась, а их члены массово манкировали своими обязанностями и выходили из состава СВБ, о чем неуклонно свидетельствовали документы местных органов власти.

Три периода деятельности Союза воинствующих безбожников иллюстрируют представления большевиков о необходимости создания эффективного пропагандистского инструмента в деле антирелигиозной пропаганды. Важной особенностью этого инструмента должен был стать принцип добровольного участия. Однако, не будучи поддержан населением, которое, несмотря на все усилия пропагандистов, не увлекли идеи безбожия, СВБ оказался полностью декоративной структурой, что вполне осознавалось государственным уровне. Главный принцип, на котором предполагалось его создание – добровольность участия – ни на одном этапе реализован не был. Вся историю безбожного движения можно рассматривать, в том числе, и как историю вовлечения в него (вербовки, как тогда говорили) рядовых членов. У Союза в разное время возникали различные проблемы, но лишь одна из них была актуальной в течение всех трех периодов: это была проблема членства в СВБ и, позже – в СВБ. Даже те, кто, путем уговоров или угроз соглашался записаться в ряды безбожников, в будущем массово из него выходили или просто переставали посещать собрания. Таким образом, СВБ стал искусственно созданным образованием, не имевшим никакой связи с теми, на чье мировоззрение, по мысли его организаторов, должен был влиять.

Анализ документов второй половины 1930-х гг. позволяет сделать вывод, что в партийном руководстве Московской области не рассматривали Союз воинствующих безбожников как действенный инструмент в антирелигиозной борьбе. О нем вспоминали один раз в год, когда по плану требовался отчет о его работе, показательно ругали, давали новые поручения, после чего опять забывали. А через год или полтора все повторялось снова. При этом, борьба с Церковью никогда не прекращалась, просто функции СВБ на территории Московской области брала на себя куда более эффективно действующая организация – Московская обком с его строгой дисциплиной и профессионально подобранными кадрами.

Третий параграф «Обновленческий раскол на приходском уровне как инструмент государственной антицерковной политики» посвящен одной из наиболее сокрушительных идеологических атак на Церковь и религию – обновленческому движению, искусственно созданному большевиками в

1922 г. Автор предлагает рассматривать обновленчество как попытку воздействия на церковные приходы главным образом с антицерковных идеологических позиций, так как именно идеологическая составляющая нового псевдорелигиозного движения являлась определяющей в стремлении большевиков подчинить себе православных верующих, создав в лице обновленческой иерархии церковный эрзац. Предпринимая усилия в этом направлении, советская антирелигиозная и антицерковная пропаганда действовала через формирование новой обновленческой идеологии, главной чертой которой являлся религиозный и общественный конформизм, выразившийся в готовности подчинения советской власти. Предлагая верующим вместо Церкви Христовой «церковь красную», выдаваемую за якобы истинную и прогрессивную, советская антирелигиозная пропаганда, через отвращение населения от религии вообще, преследовала свою главную цель, сформулированную нами в предыдущем параграфе: формирование общественного мнения таким образом, чтобы постепенная и, в конечном итоге, полная ликвидация Церкви воспринималась обществом, как естественный и закономерный процесс. Антицерковная составляющая обновленческого раскола проявилась также и в попытках его пропагандистов представить раскольниками и, более того, – ересиархами последователей патриаршей Церкви. В течение десятилетий своего существования обновленческое движение меняло и корректировало методы вовлечения в свои ряды духовенства и мирян. Если прежде, в 1922–1923 гг. главными инструментами были посулы наградами и повышениями по службе, а также прямое запугивание, то в дальнейшем на первый план выходят методы экономического характера, когда обновленцам предлагались наиболее богатые приходы.

В параграфе предлагается систематизация прошений духовенства и церковных советов о возвращение в патриаршую Церковь по степени вовлечения в обновленческий раскол, анализируются методы вовлечения в обновленческий раскол приходов Православной российской церкви Московской губернии, рассматриваются внутрприходские конфликты в связи с уклонением в обновленческий раскол духовенства, исследуются манипулятивные практики при регистрации религиозных объединений патриаршей Церкви и обновленческой иерархии.

Проведенный в исследовании анализ результатов обновленческого движения (масштабы распространения, отношение верующих к обновленческому духовенству, взаимоотношения с государственными структурами) показал, что в Московской губернии/области все применяемые методы не дали ожидаемого результата, и число обновленческих храмов к

середине 1930-х гг. здесь было относительно невысоким. Однако в некоторых областях, главным образом, в южных, храмов, занятых обновленцами было больше, чем оставшихся за «староцерковниками». В целом, можно констатировать, что ко второй половине 1930-х гг. обновленчество, почти полностью лишенное государственной поддержки, сходит на нет, чтобы окончательно прекратить свое существование сразу после Великой Отечественной войны.

В заключении главы отмечается, что антирелигиозная и антицерковная пропаганда в СССР в рассматриваемый период, меняя формы и направления удара, но никогда не прекращаясь полностью, своей главной цели не достигла. Несмотря на все пропагандистские усилия, число верующих, составлявших, согласно переписи 1937 г., более половины взрослого населения страны, после Великой Отечественной войны еще более увеличилось, что не позволило уничтожить Церковь полностью.

В третьей главе «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ В 1918–1958 гг.» утверждается, что с первых месяцев прихода к власти большевики начинают использовать самый радикальный инструмент для подавления Церкви – прямые репрессии против лиц, объединенных вскоре под общим названием «церковников». В число «церковников» в широком смысле этого слова входили представители духовенства и верующие миряне, то есть, люди, находившиеся «внутри церковной ограды». Уже осенью 1917 г. против них был начат фактический террор, по временам усиливавшийся или ослабевавший, но не прекращавшийся в течение всего рассматриваемого в настоящем исследовании периода никогда. Преследования своих политических оппонентов являлось характерной чертой большевистского режима, а то, что «церковники» рассматривались советской властью как политические оппоненты, было зафиксировано во всех основополагающих законодательных актах, начиная с Декрета «Об отделении церкви от государства» в январе 1918 г. Целью третьей главы является анализ советской государственной политики в отношении приходского духовенства и верующих мирян в период 1918–1958 гг. методами прямых репрессий. Эта цель достигается решением следующих исследовательских задач: определением периодизации репрессивной политики по церковно-религиозному признаку на приходском уровне; ее динамики в рамках каждого выделенного периода и критериев для определения круга лиц, оказывавшихся в зоне риска политических репрессий по церковно-религиозному признаку, ее масштабов и результатов.

В первом параграфе «Репрессии по церковно-религиозному признаку на приходском уровне: периодизация, динамика, критерии» предлагается периодизация репрессий по церковно-религиозному признаку, соответствующая периодам работы силовых советских органов, в чьи задачи входило в том числе и подавление деятельности «церковников». Исходя из этого, можно выделить три основных периода.

Первый период определяется деятельностью таких силовых структур, как Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК при СНК РСФСР), Государственное политическое управление (ГПУ при НКВД РСФСР) и Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ при СНК СССР) и хронологически ограничивается 1917–1934 гг. К задачам первого периода репрессивной политики в отношении «церковников» следует отнести комплекс мер, направленных на исключение возможности с их стороны каких-либо противодействий советской власти, таких как: лишение возможности участия в приходской жизни для духовенства и мирян, нарушение горизонтальных связей между приходами и вертикальных связей в церковном устройстве.

Второй период связан с деятельностью Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР, в состав которого в 1934 г. вошло ОГПУ, и охватывает временной промежуток до 1946 г., когда НКВД был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД). Основной задачей второго периода репрессивной политики в отношении «церковников» было обеспечение революционного порядка и государственной безопасности, что было сформулировано на законодательном уровне. Священнослужители, верующие и Церковь в эклисиологическом смысле, понимаемой как собрание, в советском государстве воспринимались как самая многочисленная социально чуждая группа населения. Второй период государственной репрессивной политики характеризуется формированием образа «врага народа», которого следует сторониться, опасаться и которому не следует оказывать поддержку. Согласно этим, искусственно насаждаемым представлениям, некто, даже единожды осужденный по политической статье, не мог считаться полноправным членом общества, которое должно его сторониться. Период Большого террора 1937–1938 гг. характеризовался лавинообразным ростом репрессий в отношении ряда категорий граждан, в числе которых были «сектантские активисты и церковники». Очевидно, что такая неопределенная формулировка позволяла распространить действие секретного приказа НКВД СССР № 00762 практически на любого верующего и даже не имевшего никакого отношения к Церкви. В этот период репрессиям по церковно-религиозному признаку было подвергнуто наибольшее число служителей

культы и мирян. Наступившая вслед за Большим террором «бериевская амнистия» не затронула репрессированных «церковников» Московской области, однако преследования служителей культа и верующих резко снизились.

Нижняя граница третьего периода определяется созданием в марте 1946 г. Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР, чьи функции в большинстве своем в начале 1954 г. были переданы Комитету государственной безопасности при Совете Министров (КГБ при СМ) СССР, а верхняя – хронологической границей нашего исследования, т.е. 1958 г. Уже с момента образования МГБ в 1946 г. в Московской области фиксируется выраженный рост преследований «церковников». Характерными обвинениями арестованных в 1946 г. стали принадлежность к катакомбным религиозным объединениям, главным образом – к «истинно-православной церкви» (ИПЦ), и так называемым «церковно-монархическим центрам». Обвиняемые отрицали существование таких центров, что же касается ИПЦ, то никто из обвиняемых не сознался в каком-либо отношении к таковой, но факт ее существования ими не отрицался. В 1940–1950-х гг. продолжала сохраняться практика репрессирования тех, кто прежде был осужден по политическим статьям. Аресты «повторников», начинаются в 1949 г. и продолжаются до 1951–1953 гг. Среди священнослужителей и мирян они были нередким явлением. Приговоры продолжают оставаться суровыми. Обычным для лиц, осужденных по церковно-религиозному признаку остается 10-летний срок заключения в ИТЛ, хотя встречаются и более мягкие приговоры. Выраженной становится тенденция, когда за действительно совершенное преступление приговор выносился более мягкий, нежели по надуманному обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации

В рамках каждого из выделенных периодов вполне допустимо более мелкое деление. Особенно это характерно для первого периода, охватывающего первые 17 послереволюционных лет. Однако предлагаемое деление на периоды, помимо того, что оно отвечает изменениям в силовых ведомствах, отвечавших за работу с Церковью, в целом соответствует задачам, стоявшим перед советским государством в вопросах политического давления на «церковников».

Задачу борьбы с Церковью методами прямых репрессий и поиска их форм, стоявшую перед советским государством с первых лет его существования можно представить, как совокупность усилий по выявлению потенциально опасных «церковников» и одновременно по формированию представлений о том, что репрессиям они подверглись по любым причинам, кроме своей принадлежности к Церкви. При попытке формулирования

критериев для определения круга лиц, подвергавшихся репрессиям в 1918–1958 гг. по церковно-религиозному признаку на уровне прихода, исследователь неизбежно сталкивается с трудностями, обусловленными несоответствием норм советского законодательства реальным практикам уголовного и административного преследования верующих и духовенства. Это в значительной степени усложняет, а в некоторых случаях делает невозможным установление подлинных причин репрессий в отношении того или иного человека, так как в следственных материалах практически не встречается обвинений, напрямую связанных с открытым исповеданием своей веры или защитой Церкви от нападков на нее со стороны большевиков.

В работе предлагается методика, позволяющая выявить критерии, по которым репрессии в отношении того или иного гражданина в период 1918–1958 гг., можно квалифицировать как репрессии по церковно-религиозному признаку, что в контексте настоящего исследования представляется принципиально важным, так как, в силу законодательно декларируемого в СССР принципа свободы совести, подлинные причины репрессий тех или иных групп лиц, в материалах следственных дел как правило не отражались. Такими критериями, помимо принадлежности гражданина к служителям культа, под которыми в СССР подразумевались все священно- и церковнослужители, являлась деятельность, прямо или косвенно связанная с церковным приходом: членство в церковных приходских советах, работа на приходе с получением жалованья из приходских сумм, участие в церковных двадцатках, а в некоторых случаях – указание своего имени в документах о перерегистрации церковных общин. Кроме того, причиной репрессий по церковно-религиозному признаку могла стать выраженная публично процерковная позиция. Риску оказаться в поле зрения органов ОГПУ и НКВД подвергались верующие, состоявшие в различных дореволюционных церковных организациях и братствах. Рассмотрение архивно-следственных дел всех перечисленных категорий лиц с целью определения репрессий по церковно-религиозному признаку, необходимо производить с учетом всех перечисленных обстоятельств.

Во втором параграфе «Реализация репрессивной политики в отношении приходского духовенства и мирян органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ (1917–1934 гг.)» отмечается, что этот период стал временем становления советской репрессивной системы, создаваемой для подавления контрреволюционных настроений и действий в отношении групп граждан, относимых властью к своим фактическим или потенциальным врагам. Репрессии, предпринимаемые властями в отношении «церковников» через посредство органов ВЧК-ОГПУ, не во всех случаях предполагали лишение свободы. Одной из первых,

конституционно утвержденных репрессивных мер, стало лишение избирательных прав для ряда категорий граждан, в которые попадали все служители культа, а также лица, прибегающие к наемному труду и торговцы, то есть, зачастую именно те состоятельные прихожане, которые входили в состав приходских советов. Лишение избирательных прав как репрессивная норма, просуществовала до ее отмены в декабре 1936 г. с принятием новой «Сталинской» Конституции. В работе приводятся подробные статистические сведения о доле лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку в начале 1920-х гг. среди всех лишенцев в Московской губернии. Эта доля, в зависимости от уезда и года, составляла от 10% до 25 %, доходя в ряде случаев до 40% и более, а, например, в Суриковской волости Волоколамского уезда, она составила 62,5% от всех лишенных избирательных прав.

Еще одной репрессивной мерой, не связанной с лишением свободы, практикуемой в первом периоде, стала обязательная служба в тыловом ополчении, в том числе для лишенцев. В Московской губернии эта мера часто применялась к священнослужителям, что, с одной стороны, делало невозможным их служение на приходе, а, с другой, было направлено на унижение их достоинства как пастыря, ибо служба в тыловом ополчении предполагала самый неквалифицированный труд на конюшне, на строительстве и пр. Однако, главной целью использования священников, в первую очередь сельских, в тыловом ополчении было разрушение приходской молитвенной жизни, так как большинство сельских приходов в Московской губернии и в целом по РСФСР были однокомплектными.

Репрессии в отношении «церковников», связанные с лишением свободы, в течение рассматриваемого периода претерпевали изменения. Для начала 1920-х гг. характерными были аресты и заключения под стражу священников (главным образом, но иногда и мирян) сроком на несколько недель (часто – на пять недель) с последующим освобождением. Выразительной иллюстрацией того, как напряженно шел поиск форм и степени суровости репрессивных мер в отношении духовенства и мирян, является практика изменения первоначально вынесенных приговоров по церковным делам Московским и Московским губернскими революционными трибуналами в 1918–1922 гг. Анализ приговоров показывает общую тенденцию их постепенного смягчения, в некоторых случаях – от высшей меры наказания до освобождения. При этом, приведение в исполнение смертных приговоров обуславливалось не степенью «виновности» того или иного обвиняемого, а его «общественной опасностью» и предполагаемым эффектом, который должна была произвести его казнь.

Начиная с лета 1929 г. наблюдается взрывной рост дел, возбуждаемых ОГПУ в отношении представителей духовенства, церковнослужителей, членов церковных советов и сотрудников приходов по 58 ст. УК РСФСР. Дела второй половины 1929 г. (некоторые заседания ОСО при коллегии ОГПУ по делам, возбужденным в 1929 г. проводились в самом начале 1930 г.) стали последними, в материалах которых главные причины преследований перечисленных категорий лиц, если и не назывались открыто, то и не скрывались, что станет нормой уже, начиная с 1930 г. В делах 1929 г. прямая связь между отношением обвиняемого к Церкви или членстве в приходском совете и его контрреволюционной деятельностью не затушевывается, но подчеркивается. Рубеж 1920–1930-х гг. стал периодом активного развития колхозного движения, которое не пользовалось поддержкой населения. Обвинения в сопротивлении колхозному строительству становятся наиболее частыми в следственных делах служителей культа, приходских работников и членов церковных советов. Одновременно с противодействием колхозному строительству, в материалах дел встречаются, хотя и значительно реже, обвинения служителей культа в сопротивлении закрытиям храмов и запрещении колокольного звона. Все эти действия квалифицируются как контрреволюционные и рассматриваются в рамках политической 58 статьи Уголовного кодекса.

Важно подчеркнуть, что с рубежа 1910–1920-х гг. происходит формирование советской репрессивной системы, направленной не только на подавление любой контрреволюционной деятельности и инакомыслия, но и на все более усиливавшийся контроль. При этом, гражданин, единожды попадавший в поле зрения органов ВЧК-ОГПУ, оставался в нем пожизненно. В это время зарождалась цепь последовательных репрессий, которую можно проследить до 1950-х гг. Для «церковников» она начиналась с лишения избирательных прав и последующих арестов, связанных с различными внутри- или внешнеполитическими событиями.

В третьем параграфе «Реализация репрессивной политики в отношении приходского духовенства и мирян органами НКВД СССР (1934–1946 гг.)» ставится задача анализа исследования репрессивной политики советского государства в отношении «церковников» в пределах выделенного периода и выявления отличий ее реализации в предшествовавшем. На этот период приходится пик репрессивной политики в СССР, и в этом смысле задача большевиков в 1930-х гг. – подавление Церкви, сопрягалась с целью подавления общества в целом и вписывалась в общие рамки глобальной репрессией.

Преследования «церковников» Московской области структурированы по поводам для арестов, как они формулировались в следственных делах:

- поддержка убийства С.М. Кирова;
- поддержка осужденных по церковно-религиозному признаку, возвращавшихся из ссылки;
- принадлежность к катакомбным религиозным объединениям и церковной оппозиции (ИПЦ, непоминающие, иоанниты и пр.);
- пропаганда деятельности зарубежных сообществ;
- антисемитизм.

В отдельную категорию преследований приходского духовенства и верующих следует выделить репрессии периода Большого террора по причине типологически изменившегося в июле 1937 г. принципа определения лиц, подвергавшихся репрессиям. Кроме того, одной из немаловажных, а в некоторых случаях – определяющей причиной репрессий в период, связанный с деятельностью НКВД, являлось то, что арестовывавшийся гражданин прежде уже подвергался аресту по 58 статье Уголовного кодекса. Многие из подвергнувшихся репрессиям в годы Большого террора арестовывались до этого трижды и даже четырежды (бывший член Бронницкого общества хоругвеносцев Н.И. Горюхин, священник Владимирского храма села Краскова Сергей Никитский, священноисповедник Димитрий Крючков). В рассматриваемый период было репрессировано наибольшее число «церковников» и закрыто больше всего храмов, многие из которых – по формальной причине отсутствия священнослужителей. В последние предвоенные годы в Московской области оставались незакрытыми немногим более ста храмов.

Политические преследования приходского духовенства, сотрудников приходов, членов церковных советов и активных мирян на территории Московской области в период деятельности НКВД (1934–1946 гг.) характеризовались постепенной активизацией репрессий на протяжении первых трех лет с достижением максимума в 1937–1938 гг. и довольно резким спадом, наблюдавшимся уже с конца 1938 г. Обвинения, предъявлявшиеся им, также не отличались от обвинений, предъявлявшихся представителям других социальных групп. Чаще всего это были обвинения в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации, террористических намерениях, что в ряде случаев затрудняет выявление арестовывавшихся по церковно-религиозному признаку. Причины, по которым они подвергались преследованиям, можно обнаружить, лишь изучив материалы дела. До начала периода Большого террора (июль 1937 г.) они представляли собой ограниченный набор обвинений, таких как: поддержка убийства С.М. Кирова;

помощь осужденным по церковно-религиозному признаку, возвращавшимся из ссылки; принадлежность к катакомбным религиозным объединениям и церковной оппозиции; пропаганда деятельности зарубежных сообществ; антисемитизм. После того, как в июле 1937 г. советская репрессивная система подверглась качественным изменениям, из обвинений исчезла какая-либо конкретика, и преследования стали проводиться среди заранее определенных групп населения, к которым были отнесены «сектантские активисты и церковники». С этого момента репрессии против приходского духовенства, сотрудников приходов, членов церковных советов и активных мирян резко ужесточились. Следует согласиться с мнением, что в значительной степени это ужесточение было связано с результатами январской 1937 г. переписью населения, показавшей, что в СССР более, чем 50% всего взрослого населения считают себя верующими. Отметим, что результаты переписи повлияли на ужесточение репрессий против «церковников», но не на включение их в перечень социальных групп, в отношении которых действовал секретный приказ наркома НКВД СССР № 00447. В последние предвоенные годы наблюдается резкий спад репрессий в отношении приходского духовенства и верующих. Анализ следственных дел, произведенный автором, позволяет утверждать, что и во время Великой Отечественной войны в репрессии по церковно-религиозному признаку в Московской области находятся на исключительно низком уровне.

В четвертом параграфе «Реализация репрессивной политики в отношении приходского духовенства и мирян органами МГБ СССР-КГБ при СМ СССР. (1946–1958 гг.)» рассмотрены обстоятельства репрессий по церковно-религиозному признаку в послевоенный период, начавшиеся в Московской области уже в 1946 г., сразу после создания МГБ СССР.

Приведенные факты позволяют говорить о периоде политических репрессий в отношении приходского духовенства и верующих, связанном с деятельностью МГБ СССР, как о времени, когда их активность, временно снизившаяся в 1938–1945 гг., вновь стала возрастать. Уже с 1946 г., когда НКГБ был преобразован в МГБ, число арестов священнослужителей в Московской области резко возросло. Помимо абстрактных обвинений в антисоветской деятельности, характерными обвинениями часто становилось участие в группах Истинно-православной церкви, по мнению следствия широко распространенных в Московском регионе вообще и в отдаленных районах Московской области на границе с Владимирской и Рязанской областями. Говорить о том, насколько обоснованными были эти обвинения трудно, так как, с одной стороны, все арестованные связь с группами ИПЦ категорически отрицали. С другой стороны, в Егорьевском, Куровском,

Шатурском районах Московской области действительно имели место тайные общины катакомбников, связанные между собой и устраивавшие тайные богослужения на квартирах и в частных домах.

С 1949 г. начинаются аресты священнослужителей, имевших судимость в 1930-х гг., так называемых «повторников». Документы следственных дел свидетельствуют, что этот термин употреблялся в процессе следствия (дело настоятеля Михаило-Архангельского храма села Загорнова Раменского района прот. Николая Харьюзова).

Вторая половина 1950-х гг. стала временем резкой смены государственного курса в отношении пострадавших в период политических репрессий. На свободу должны были выйти тысячи заключенных, в отношении которых требовалось выработать механизмы и основания для их освобождения и последующей интеграции в социальную и хозяйственную жизнь. Не менее остро стоял вопрос об информировании родственников о судьбе осужденных к высшей мере наказания. 24 августа 1955 г. председателем КГБ при Совете министров СССР была утверждена секретная директива, предписывающая ЗАГСам на запросы граждан о судьбе своих расстрелянных близких составлять подложные свидетельства о смерти, где говорилось о том, что они умерли своей смертью в лагерях в 1940-х гг. Только материалы реабилитации 1980–1990-х гг., приобщенные к делам, содержат документы, разоблачающие фальсификации 1950-х гг. и дающие точные сведения о судьбах погибших репрессированных, что является особенно важным для верующих, совершающих поминовения своих родственников в день их кончины.

Общая цель проводимых репрессий в отношении приходского духовенства оставалась прежней – ослабить приходы, устранив из них потенциально опасных священников, поставив на их место лояльных советской власти в русле изменившейся государственной политики, направленной после Великой Отечественной войны в направлении полного подчинения Церкви.

Репрессивная политика в отношении церковнослужителей и мирян, последовательно проводившаяся в СССР с первых месяцев прихода к власти большевиков, развивалась в русле общей антицерковной и антирелигиозной политики советского государства. В ее арсенале были различные методы, такие как антирелигиозная и антицерковная пропаганда, администрирование приходской жизни, а также методы экономического давления, но прямые репрессии, очевидно, были самыми радикальными из всех. Не случайным представляется, что пик репрессий в отношении «церковников» пришелся на 1937–1938 гг., когда неэффективность иных методов была наглядно

продемонстрирована результатами переписи 1937 г. Конец 1930-х гг. становится временем, когда решалась дальнейшая судьба Церкви, которую от окончательного уничтожения спасла меняющаяся внешняя политика СССР. Русская Церковь в этот период продолжала существование как своеобразный конгломерат приходов, так как архиереев на своих кафедрах оставалось всего четверо, и рассматривался вопрос об аресте первенствующего из них – заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), что, вероятно, дезорганизовало бы церковный организм полностью. Следует отметить также атомизированность немногочисленных оставшихся действующими приходов, постепенно усиливавшуюся в условиях разобщенности епархий и слабости общего церковного управления.

Имеющиеся данные о числе действовавших приходов во время Великой Отечественной войны и сразу после ее окончания позволяют говорить об исключительном положении Московской области в сравнении с другими регионами СССР. Здесь, вместе с Москвой, продолжало действовать около 200 приходских храмов, что предполагает наличие не менее 200 священнослужителей. Это те священники и диаконы, которым либо удалось избежать репрессий, либо довелось добиться досрочного освобождения и вновь приступить к служению в подмосковном храме. Продолжение репрессивной политики в отношении приходского духовенства в масштабах, сопоставимых с репрессиями 1930-х гг., позволило бы прекратить легальную (мы не говорим о катакомбных церковных объединениях) церковную жизнь в Московском регионе в кратчайший срок. Но сменивший свое направление вектор государственно-церковных отношений повлек за собой тактическое смещение целеполагания антицерковной политики с подавления на подчинение государственным интересам.

В четвертой главе «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ В 1918–1958 гг.» рассматривается еще одно направление антицерковной политики СССР – разрушение церковного прихода путем подрыва его экономики. Целью главы является анализ форм, методов и результатов экономического воздействия на церковные приходы Московской губернии/области в 1918–1958 гг., а также усилий, прилагаемых церковноначалием, духовенством и верующими для сохранения приходской жизни в условиях экономического прессинга, осуществлявшегося по трем основным направлениям:

- лишение Церкви собственности и возможности владеть имуществом;
- налогообложение с повышающими коэффициентами;
- контроль за хозяйственной деятельностью приходов.

Задачи, определившие структуру главы, соответствуют указанным направлениям.

Первый параграф «Национализация церковного имущества и ее последствия в 1918–1920-е гг.» делится на два подпараграфа, в первом из которых описываются национализация церковного имущества, произошедшая в соответствии с нормами Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», и меры, предпринимаемые церковноначалием Московской епархии для сохранения прихода как системообразующего элемента церковного организма в новых экономических условиях. Эти меры нашли свое отражение в специальном Распоряжении Московского епархиального начальства, предоставляющем приходскому духовенству возможность в значительной степени снизить требования к употребляемым в священнодействии вину, маслу и муке, которые в состоянии наступившей разрухи было невозможно достать даже за большие деньги.

В качестве экстренных мер по поддержке приходов следует назвать созыв Объединенного Съезда клира и мирян Московской епархии в январе 1918 г. и его решения, в числе которых было создание и распространение специального «Воззвания Епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах». Отмечалось резкое подорожание всех необходимых продуктов; разруха, вызванная войной и революционными потрясениями; отсутствие необходимых средств. Прекращение деятельности банков сделало невозможным пользование капиталами, размещавшимися в них церковными учреждениями в течение десятилетий, а именно банковские вклады являлись основным экономическим инструментом деятельности Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания. Съезд выражал надежду на то, что достать нужные суммы возможно лишь путем займа под обязательства Попечительства в монастырях, кладбищенских (наиболее посещаемых и относительно зажиточных) храмах и вообще в церковных приходах. Таким образом, приходы, особенно сельские, в первые послереволюционные годы рассматривались в качестве реального инструмента помощи Епархиальному попечительству. Фактически, в условиях лишения Церкви статуса юридического лица и возможности обладать имуществом, «приходская» экономика с ее разветвленными горизонтальными связями некоторое время оставалась единственным эффективно действовавшим экономическим инструментом сохранения церковного организма.

Второй подпараграф описывает цель, механизм и результаты изъятия церковных ценностей в храмах Московской губернии весной 1922 г. Изъятие церковных ценностей следует рассматривать не только как мощную

репрессивную меру, направленную на ослабление Церкви в целом и на подрыв ее хозяйственной деятельности, но и как попытку создания почвы для дестабилизации приходской жизни. Убедительным представляются заключения, к которым приходят исследователи, утверждающие, что, проводя изъятие ценностей из храмов, власти преследовали не только экономические, но и политические цели. Если исходить из того, что главным направлением удара было инспирирование церковного раскола, то рассматривать кампанию 1922 г. как одну из составляющих такой стратегии, вполне уместно. В большинстве уездов Московской губернии изъятие прошло без заметных волнений (сообщения о якобы имевших место в ряде приходов выкриках противников изъятия из толпы к таковым отнести невозможно). Однако именно такое развитие событий и нельзя считать удовлетворительным, с точки зрения властей, итогом кампании, ибо отсутствие массовых эксцессов говорит скорее не о хорошей подготовке кампании по изъятию, а о том, что планируемого успеха кампания как раз и не достигла. Именно силовое подавление сопротивления прихожан и было на руку властям, так как давало им возможность «на законных основаниях» проявить всю свою карающую мощь и продемонстрировать решимость пресекать любые попытки к сопротивлению. В этом смысле, более удовлетворительными результатами кампании можно было бы считать не ограниченное число процессов о сопротивлении изъятию ценностей, а напротив, значительно большее, чтобы количество осужденных из множества приходов было максимальным. При относительно небольшом числе процессов, властям понадобилось вовлекать в некоторые из них по несколько десятков обвиняемых, среди которых главными стали представители епископата, высшего духовенства и жители крупных городов. Сельские же приходы, против которых, не в последнюю очередь, и была направлена вся кампания, от репрессий почти не пострадали, чем предполагаемый устрашающий эффект в полной мере достигнут не был.

Во втором параграфе «Налогообложение церковных приходов как форма экономического воздействия на их деятельность» отмечается, что налогообложение церковных приходов и духовенства с первых лет советской власти стало одним из эффективных рычагов давления на Церковь. Параграф делится на два подпараграфа, в первом из которых рассматривается налогообложение храмовых зданий и религиозных объединений, а во втором – служителей культа. Автор приходит к выводу, что духовенство, члены церковных советов и сотрудники приходов находились в положении постоянно усиливавшегося экономического давления со стороны государства, выражавшегося в ужесточении налогового бремени и во введении ряда сборов, фактически имевших форму налогов, которые эти группы граждан должны

были выплачивать по повышенным ставкам. Поводом для преследования приходского духовенства, становится искусственное создание ситуации, когда священно- или церковнослужитель оказывался не в состоянии выплатить налагаемые на его хозяйство налоги. Невыполнение или несвоевременно выполнение налогов и сборов влекло за собой штрафы, распродажу имущества, поражение в правах и уголовное преследование, что в конечном итоге приводило к уничтожению прихода. Анализ приведенных документов позволяет утверждать, что, устанавливая повышенные ставки налогов и сборов для обложения церковников, основной целью властей было не пополнение государственного бюджета, а создание такой экономической ситуации, когда они не смогут выполнить все наложенные на них обязательства, после чего к ним можно было применять различные санкции.

В третьем параграфе «Инвентаризация имущества церковных приходов Московской области в конце 1950-х гг.: экономический аспект» рассматривается масштабная инвентаризация церковных имуществ, предпринятая в конце 1950-х гг. как мера государственного воздействия, направленная на подрыв экономической устойчивости церковных приходов, осуществленного властями рамках подготовки очередной антирелигиозной кампании. Автор приходит к выводу о том, что целью проведенной инвентаризации было усиление экономического давления на Церковь в целом и на первичное и основное ее звено – приход. Кроме того, рассмотренные архивные документы показывают, что одновременно со сведениями о материальных ценностях, которыми владели религиозные объединения, власти в очередной раз предприняли попытку мониторинга церковной деятельности на приходском уровне – выяснения масштабов религиозности населения и степени его вовлеченности в церковную жизнь.

В выводах к четвертой главе отмечается, что усилия по подавлению нормального функционирования церковных приходов экономическими методами имели место в РСФСР и СССР на протяжении всего рассматриваемого периода. Они развивались по нескольким направлениям – от прямой национализации церковного имущества или изъятия церковных ценностей, до формирования дискриминационной налоговой политики, когда Церковь и служители культа, в число которых входили не только священнослужители, но также и все, кто получал средства от приходской деятельности, облагались налогами по повышенным ставкам, а также вынуждены были выплачивать ряд дополнительных налогов. В последние предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны экономическое давление на немногочисленные оставшиеся действовавшими приходы ослабевает, а в 1945 г. СНК СССР секретным постановлением предоставил

РПЦ «ограниченные права юридического лица». Это дало возможность религиозным объединениям приобретать имущество, в том числе и дорогостоящее, производить и продавать церковную утварь и предметы религиозного культа, разрешалась аренда, строительство и покупка в собственность домов для церковных надобностей, хотя и с разрешения уполномоченных Совета по делам РПЦ. Эти послабления вскоре привели к налаживанию приходской хозяйственной жизни. Однако на пороге антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., власти проводят инвентаризацию церковного приходского имущества храмов Московской области с целью выявления уровня благосостояния приходов и определения налоговой базы для выстраивания дальнейшей церковно-экономической политики.

В Заключении содержатся основные выводы по работе.

Церковный приход представляет собой базовый структурный элемент церковного устройства, и, несмотря на кардинальные изменения положения Церкви в государстве после 1917 г., сущностное положение прихода осталось прежним. Роль церковного прихода как важнейшего элемента церковного организма осознавалась на государственном уровне и после 1917 г., что подтверждается значительным корпусом декретов и постановлений, регулирующих его положение в советском государстве. Государственное законодательство в церковных вопросах в контексте становления и развития новой советской государственности в большинстве своих нормативных актов прямо или косвенно касалось вопросов регулирования приходской жизни и положения приходов. Несмотря на то, что понятие «церковный приход» исчезло из всех законодательных актов, и было заменено эвфемизмами, такими как религиозные группы, общества, общины и объединения, сущностные свойства прихода изменениям практически не подверглись, и он по-прежнему воспринимался советскими властями как основная мишень в государственной антицерковной политике. В последние предвоенные годы Церковь фактически представляла собой конгломерацию немногочисленных и неравномерно распределенных по территории СССР приходов, сохранявших, при этом, практически все элементы канонического церковного устройства. Уничтожение церковного прихода, таким образом, означало бы фактически уничтожение Церкви.

Именно поэтому в фокусе политики советской власти в отношении Церкви оказались именно приходы. В 1918–1958 гг. целенаправленная деятельность по разрушению приходов и горизонтальных связей между ними проводилось одновременно по четырем направлениям: административному, пропагандистско-идеологическому, репрессивному и экономическому.

Административное воздействие на жизнедеятельность церковных приходов Московской губернии/области в 1918–1958 гг. предполагало решение двух основных задач: регулирование церковной жизни и установление постоянного контроля за всеми ее проявлениями. Методы, используемые для решения этих задач, варьировались в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации.

Администрирование церковной приходской жизни в СССР в 1918–1958 гг. разбивается на три периода. Первый период начался в 1918 г. с вступлением в действие Декрета «Об отделении церкви от государства», и закончился в апреле 1929 г. с выходом Постановления ВЦИК «О религиозных объединениях». Вторым периодом продолжался до осени 1943 г., когда в государственно-церковных отношениях произошли существенные изменения. Третий период начался с образования Совета по делам Русской Православной Церкви (1943 г.) и завершился в 1958 г. с началом нового витка антицерковной политики. Этим периодам соответствовали задачи принуждения, подавления и полного подчинения Церкви государству, которые в целом можно считать решенными.

Администрирование церковно-приходской жизнедеятельности осуществлялось в трех основных формах: принуждения, манипулирования и репрессирования. Эти формы использовались властями в трех выделенных периодах по-разному, в соответствии с задачами каждого из них. Наиболее радикальной формой администрирования приходской жизнедеятельности было административное репрессирование, выражавшееся в ее прекращении путем закрытия храмов. Формальные причины и механизм закрытия храмов с течением времени видоизменялись, но общий тренд в сторону увеличения числа закрываемых храмов прослеживается до последних предвоенных лет.

Пропагандистско-идеологическое направление государственной политики в отношении церковных приходов реализовывалось на протяжении всего периода государственного атеизма в форме мощной антирелигиозной и антицерковной пропаганды, с целью воздействия на верующих и их отторжения от Церкви. Методологически воздействие осуществлялось на нескольких уровнях. Прежде всего, следует выделить общегосударственный уровень, на котором, посредством принятия ряда декретов и постановлений, верующим постоянно транслировалось сообщение, что, несмотря на официально декларируемый принцип свободы совести, политика советского государства не предполагает никакой поддержки Церкви, что являлось антицерковной пропагандой само по себе. Следующим уровнем был уровень информационный, включавший в себя создание и тиражирование многочисленных и разнообразных по содержанию антирелигиозных текстов,

направленных на изменение представлений о мироустройстве с религиозного на вульгарно-материалистический. Третьим уровнем следует считать уровень эмоциональный, на котором верующих настойчиво убеждали, что Церковь и ее служители представляют собой реакционную паразитическую структуру, враждебную интересам человека труда. В числе инструментов, с помощью которых перечисленные пропагандистские составляющие доводились до верующих на приходах, можно выделить, прежде всего, прессу – центральную и уездную/районную, а также выступления и диспуты с приглашаемыми лекторами или местными активистами, театрализованные постановки и карнавальные шествия, разнообразную печатную продукцию.

Если в первые годы советской власти антирелигиозная и антицерковная пропаганда носила спонтанный характер, то с сер. 1920-х гг. для ее консолидации и структурирования был образован Союз воинствующих безбожников. Его создание преследовало две цели. Во-первых, разработку и распространение пропагандистских антирелигиозных методик и материалов по всей территории СССР и, во-вторых, вовлечение в свои ряды максимального числа граждан. Проведенный анализ показал, что со второй задачей СВБ на территории Московской губернии/области не справился. Местные жители, независимо от того, были они верующими или нет, в работе ячеек СВБ участия принимать не желали, а те, которых удавалось вовлечь в члены СВБ, массово манкировали своими обязанностями. Говорить о существенном влиянии СВБ на состояние приходов Московской губернии/области, не приходится.

В отличие от методов работы СВБ, в основном довольно прямолинейных, а зачастую – кощунственных и оскорбительных, не только для верующих, но даже и для религиозно-индифферентно настроенных граждан, значительно более изощренной формой пропагандистской атаки на Церковь стала организация нескольких раскольнических движений. Обновленческий раскол среди них оказался самым массовым и разрушительным, так как фактически представлял собой идеологическую диверсию, направленную на подрыв доверия верующих к патриаршей Церкви и переход в искусственно созданное квазицерковное образование с пробольшевистской идеологией – «красную церковь», как его стали называть почти сразу после создания. Первоначальное вовлечение в обновленческий раскол в 1922–1923 гг. значительного числа приходов Московской губернии вскоре сменилось массовым возвращением в патриаршую Церковь. В Московской области наибольшее число обновленческих приходов находилось на присоединенных к ней территориях бывших Тульской и Рязанской губерний.

Антирелигиозная и антицерковная пропаганда не прекращала своего воздействия на верующих в течение всего расстраиваемого периода, однако эффективной в полной мере ее деятельность признать нельзя. Наиболее выразительным доказательством этому являются данные переписи населения СССР 1937 г., согласно которым более половины всех принявших в ней участие, заявили о своей религиозности.

С первых месяцев прихода к власти большевиков против лиц, объединенных под общим названием «церковников», начинают использоваться репрессивные меры. На приходском уровне репрессии по церковно-религиозному признаку проводились в отношении лиц, соответствовавшим определенным критериям. Ими становились представители духовенства, члены церковных советов, сотрудники приходов, активные прихожане, а также бывшие члены православных объединений.

Периодизация политических преследований приходского духовенства и мирян соответствует периодам работы силовых советских органов, в чьи задачи входило в том числе и подавление деятельности «церковников». Исходя из этого, можно выделить 3 основных периода.

Первый период ограничивается 1917–1934 гг. В этот период наблюдается поиск форм воздействия на «церковников», причем перманентного ужесточения репрессий не наблюдается. Репрессии в этот период не всегда были связаны с лишением свободы, но предполагали и иные формы принуждения, такие как лишение избирательных прав и обязательность службы в тыловом ополчении. Кроме того, в этот период начинает складываться система репрессивных мер, которая получит развитие в дальнейшем, включая в себя такие формы, как тюремное заключение, высылка, ссылка и высшая мера наказания.

Второй период охватывает временной промежуток до 1946 г., когда НКВД был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД). Задачей репрессивной политики этого периода, помимо устрашения, являлось подавление церковной жизни вплоть до ее прекращения через физическое устранение духовенства и верующих. Второй период государственной репрессивной политики характеризуется формированием образа «врага народа», в числе которых оказываются «церковники», а единожды осужденный по церковно-религиозному признаку, становился в разряд потенциальных обвиняемых в контрреволюционной деятельности. В этот период в Московской области было арестовано и расстреляно наибольшее число священнослужителей и мирян и закрыто храмов.

Третий период, начавшийся в 1946 г. характеризовался выраженным ростом преследований «церковников». Они репрессировались как члены

катакомбных церковных объединений, в том числе «истинно-православной церкви» и «церковно-монархических центров».

Несмотря на непрекращавшиеся с 1917 г. по 1950-е гг. репрессии против «церковников», достигавшие в период Большого террора исключительной массовости и жестокости, можно констатировать, что своей цели – сокращения числа верующих и их разобщения – они не достигли. Об этом свидетельствуют статистические сведения, содержащиеся в отчетах уполномоченных Совета по делам РПЦ и, в частности, уполномоченного по г. Москве и Московской области, фиксирующие рост религиозности как в городских, так и в сельских приходах.

Необходимо отметить, что предложенные в работе периодизации различных аспектов реализации политики советского государства в отношении Церкви в целом и ее приходов на территории Московской области, в частности, не всегда совпадают между собой и с некоторыми историческими вехами советской истории. Эта асинхронность обусловлена спецификой рассматриваемых процессов, детерминированных рядом внутри- и внешнеполитических факторов. При этом, в ряде случаев границы рассматриваемых периодов совпадают.

Проведенный анализ экономической политики советской власти в направлении разрушения церковного прихода путем подрыва его экономики показал эффективность этого метода в деле борьбы с Церковью. Декрет «О земле», принятый 26 октября 1917 г. (за 3 месяца до Декрета «Об отделении церкви от государства»), лишивший Церковь одного из основных источников благосостояния – земельных угодий, следует считать первой мерой подавления церковных приходов экономическими методами. В дальнейшем Церковь законодательно лишалась практически всех средств к существованию и, одновременно, своего имущества, которое не могло быть использовано в качестве инструмента для какой-либо хозяйственной деятельности.

Налоговую политику советской власти по отношению к церковным приходам следует считать дискриминационной. Трудности, с которыми сталкивался приход при выплате налогов, создавались властями с очевидной целью ослабить приход, а в случае длительной просрочки – прекращения его деятельности путем расторжения договора на пользование храмом и храмовым имуществом. Поводом для преследования приходского духовенства в 1920–1930-х гг. становится искусственное создание ситуации, когда священно- или церковнослужитель оказывался не в состоянии выплатить налагаемые на его хозяйство налоги. Невыполнение или несвоевременно выполнение налогов и сборов влекло за собой штрафы, распродажу

имущества, поражение в правах и уголовное преследование, что в конечном итоге приводило к уничтожению прихода.

В последние предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны экономическое давление на немногочисленные оставшиеся действовавшими приходы ослабевает, а в 1945 г. СНК СССР секретным постановлением предоставил РПЦ «ограниченные права юридического лица». Это дало возможность религиозным объединениям приобретать имущество, в том числе и дорогостоящее, производить и продавать церковную утварь и предметы религиозного культа, разрешалась аренда, строительство и покупка в собственность домов для церковных надобностей, хотя и с разрешения уполномоченных Совета по делам РПЦ. Эти послабления вскоре привели к налаживанию приходской хозяйственной жизни. Однако в 1958 г., в преддверии хрущевской антирелигиозной кампании, власти проводят инвентаризацию церковного приходского имущества храмов Московской области с целью выявления уровня благосостояния приходов и определения налоговой базы для выстраивания дальнейшей церковно-экономической политики.

Говоря о разрушении церковного прихода как о промежуточной цели советского государства в деле борьбы с Церковью, можно констатировать, что эта цель не была достигнута, в значительной степени в силу продемонстрированной приходами своей исключительной жизнеспособности. Административные, экономические и даже репрессивные методы воздействия не дали ожидаемого результата, и приходы, сокращаясь количественно, продолжали свое существование даже в самые тяжелые для Церкви годы Большого террора, сохраняя организационно и сущностно полное соответствие нормам, принятым Поместным Собором 1917–1918 гг. Что же касается агитационно-пропагандистских мер по отношению к верующим, то их несостоятельность стала очевидной для властей уже в конце 1920-х гг., когда постепенно стала прекращаться поддержка деятельности Союза воинствующих безбожников. Дальнейшее усиление давления на приходы могло повлечь за собой лишь более массовый переход верующих в катакомбные церкви, то есть в зону, хуже контролируемую властями, по сравнению с Церковью, подчинявшейся митрополиту Сергию (Страгородскому).

В конце 1950-х гг. на территории г. Москвы и Московской области функционировало 211 приходов (36 в Москве и 175 в Московской области). Их богослужбная и хозяйственная деятельность полностью контролировалась аппаратом уполномоченного по г. Москве и Московской области Совета по делам РПЦ. Любые попытки выйти из-под контроля и

проявления какой-либо самостоятельности незамедлительно становились известными курирующим Церковь органам, благодаря постоянному мониторингу ситуации на приходах и ежеквартальной системе отчетности, принятой в Совете по делам РПЦ. Председатель Совета и уполномоченный по Москве и Московской области – выходцы из спецслужб – работали в тесном контакте с органами МГБ, МВД и местными исполкомами. Церковь с 1943 г. находится в фактическом подчинении советского государства.

Несмотря на то, что основные направления воздействия на верующих со стороны государства, рассмотренные выше, оставались прежними, их острота в значительной степени снизилась, а Церковь в лице ее епископата стала активной участницей важных внешнеполитических государственных программ. Десятилетия, прошедшие с учреждения Совета по делам РПЦ в 1943 г., то есть, со времени фактического подчинения Русской Православной Церкви государству, вплоть до изменения государственной политики на рубеже 1980–1990-х гг., продемонстрировали в целом жизнеспособность именно такой формы существования Церкви в советском государстве.

Анализ политики советской власти в отношении церковных приходов Московской области в 1918–1958 гг. позволил сделать вывод о том, что она носила сложный комплексный характер. Будучи разнообразной по направлениям и формам, она на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась антицерковной и антирелигиозной в своей основе и имела неизменной целью борьбу с Церковью. Комплексность антицерковной и антирелигиозной политики обеспечивалась ее основными направлениями. Администрирование приходской жизнедеятельности было направлено на ее жесткое регулирование и максимальный контроль за функционированием приходов с постоянным сокращением их самостоятельности, пропагандистские и агитационные мероприятия должны были отвратить верующих от Церкви, а экономическое давление должно было сделать невозможным существование прихода и всех его сотрудников, включая, в первую очередь, духовенство. Репрессивные методы воздействия на Церковь и верующих в своих формах в целом совпадали с динамикой массовых репрессий 1920–1950-х гг., что явилось следствием устойчиво враждебного отношения советской власти к «церковникам», с первых лет ее существования отнесенных ей к чуждым советской идеологии элементам.

При реализации советской государственной политики в отношении церковных приходов использовались инструменты силового давления, такие как администрирование, пропаганда, прямые репрессии и экономическое давление, но для понимания общей направленности этих действий необходимо помнить, что они осуществлялись в особый период развития

советского государства, становление которого проходило на фоне острейшей идеологической борьбы, а также необычайных по своим масштабам экономических и социально-политических экспериментов.

Проведенное исследование позволило установить, что в рамках государственной антирелигиозной политики периода 1918–1958 гг. приход Православной церкви оказался в роли ее ключевого объекта и стал одной из главных точек приложения ее усилий. Эти роль и место прихода были определены тем, что даже в условиях глубочайших трансформаций социокультурного характера общества первой половины XX в. он сохранял свое значение базового элемента церковного организма

Тема государственной политики советской власти в отношении Церкви и ее приходов на территории Московской области, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке. Перспективы ее видятся в последующем изучении роли и функционирования прихода как системообразующего элемента церковного устройства в светском государстве в более широких хронологических рамках, включая последние десятилетия СССР и постсоветский период. Основой этих исследований должна и может стать обширная источниковая база, наличие которой не вызывает сомнений.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Никонов В.В.* Наблюдательные дела на культовые здания как репрессивная мера в отношении церковных приходов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2023. – Вып. 112. – С. 94–106.

2. *Никонов В.В.* Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2023. – № 1. – С. 55–66. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66

3. *Никонов В.В.* Дело «контрреволюционной группировки церковников г. Егорьевска» 1935 г. как пример преследования органами НКВД движения «непоминающих» в Православной Российской Церкви (по материалам ГА РФ, ГА СО и ЦГА г. Москвы) // История и архивы. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 47–62. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-47-62

4. *Никонов В.В.* Членство в церковных советах православных приходов в 1920–1930-х гг. как фактор риска политических преследований // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 4 (64).
5. *Никонов В.В.* Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО // История и архивы. – 2022. – № 4. – С. 45–62.
6. *Никонов В.В.* Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–1930-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3 (96). – С. 61–68.
7. *Никонов В.В.* Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах // Известия Смоленского государственного университета. – 2022. – № 3 (59). – С. 168–184.
8. *Никонов В.В.* Особенности вынесения приговоров Московским революционным трибуналом по делам духовенства и верующих в 1918–1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2022. – Вып. 108. – С. 74–87.
9. *Никонов В.В.* Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. на примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергия Никитского // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. – 2022. – № 3. – С. 314–330. DOI 10.47132/1814-5574-2022-3-314
10. *Никонов В.В.* Закрытие приходских храмов в СССР в начале 1930-х годов (на примере Владимирского храма в Краскове Ухтомского района Московской области) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2022. – № 3 (76). – С. 48–57. DOI 10.37724/RSU.2022.76.3.006
11. *Никонов В.В.* К вопросу об антицерковных процессах Московского революционного трибунала 1918–1920-х гг. (дело священника Михаила Сахарова) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2022. – № 2. – С. 90–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-90-98
12. *Никонов В.В.* Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. // Вестник архивиста. – 2022. – № 2. – С. 546–556. doi 10.28995/2073-0101-2022-2-546-556
13. *Никонов В.В.* На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского

неокружнического старообрядческого духовенства 1937 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 179–186.

14. *Никонов В.В.* Воззвания Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах как реакция на антицерковную государственную политику в 1918 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 1 (94). – С. 44–49.

15. *Никонов В.В.* Первые закрытия храмов в Раменском районе московской области в 1920-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 1 (61).

16. *Никонов В.В.* Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. – 2022. – № 1. – С. 105–118.

17. *Никонов В.В.* Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2022. – № 1. – С. 62–72.

18. *Никонов В.В.* Крестный ход с Иерусалимской иконой Божией Матери в восточных уездах Московской губернии. Вековая традиция и запрет в 1920-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 4 (93). – С. 58–63.

19. *Никонов В.В.* Антирелигиозная пропаганда среди школьников Гжельского народного художественного промысла в 1920-1930-х гг. /Никонов В.В., Илькевич Б.В. // Ученые записки Курского государственного университета. – 2021. – № 5.

20. *Никонов В.В.* Полемика о вопросах взаимодействия церковно-приходского и земского образования в Московской губернии в конце XIX в. (По материалам периодической печати) // Наука и школа. – 2019. – № 2. – С. 198–209.

21. *Никонов В.В.* Обучение ремеслам в церковно-приходских школах Московской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Наука и школа. – 2018. – № 3. – С. 168–176.

Монографии:

1. *Никонов, В.В.* За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. В 7 т. / В.В. Никонов, иер. С.А. Жданович, Н.П. Ушатова. – Гжель: ГГУ, 2016–2024.

2. *Никонов В. В.* Храм Преображения Господня в Люберцах. В 2 т.

/Никонов В.В., иерей Вячеслав Новак. – М.: Кунай-колодец, 2020. – 560+360 с.

3. *Никонов В.В.* Владимирская церковь в Быкове. В 2 т. /Никонов В.В., Толмачева И.А. – М.: Кунай-колодец, 2018. – 524 + 376 с.

4. *Никонов В.В.* Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренево и Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. /Никонов В.В., иерей Илия Семенов. – М.: Кунай-колодец, 2017. – 820 с.

5. *Никонов В.В.* Покровский храм с. Игумнова Раменского района. Исторический очерк. /Никонов В.В., Шабанова И.Е. – Гжель: ГГУ, 2015. – 388 с.

6. *Никонов В. В.* История храма во имя Архистратига Михаила и села Константиново Раменского района Московской области. /Никонов В.В., иерей Вячеслав Новак. – М.: Высшая школа, 2014. – 330 с.

7. *Никонов В.В.* Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. Исторический очерк. /Никонов В.В., Толмачева И.А. – Гжель: Кунай-колодец, 2011. – 176 с.

В других изданиях:

1. *Никонов В.В.* Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области как источник сведений о религиозности населения в послевоенные годы. // Международная научная конференция к 80-летию второго восстановления патриаршества в Москве «Новый курс религиозной политики Политбюро ЦК ВКП(б) и положение христианских церквей в 1943–1948 годах». Свято-Филаретовский институт. – Москва. – 7–8 декабря 2023.

2. *Никонов В.В.* Анализ прошений духовенства и церковных советов Московской губернии о возвращении в Патриаршую Церковь из обновленческого раскола в 1923–1924 гг. // V Всероссийская научная конференция «История Церкви: факт и мысль». Московская духовная академия. – Сергиев Посад. – 4 мая 2023 г.

3. *Никонов В.В.* Лишение избирательных прав приходского духовенства и членов церковных советов в 1920-х гг. как мера, направленная на дестабилизацию деятельности приходов и дальнейшее их разрушение // Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции «XXIX Сретенские чтения» с международным участием. Свято-Филаретовский институт. – Москва. – 18 февраля 2023 г. – С. 9–20.

4. *Никонов В.В.* К вопросу об изъятии церковных ценностей из

храмов Московской губернии // Православное книжное обозрение. – 2022. – № 4. – С. 22–28.

5. *Никонов В.В.* Материалы дел о перерегистрации религиозных общин как источник по истории приходской жизни 1920-х гг. // Московские епархиальные ведомости. – 2020. – № 12. – С. 104–113.

6. *Никонов В.В.* Исследовательский проект «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области». Анализ результатов и перспективы развития // Московские епархиальные ведомости. – 2018. – № 10. – С. 50–54.

7. *Никонов В.В.* Этапность в преследованиях духовенства в период политических репрессий: священники Владимирской и Московской епархий Николай Харьюзов и Александр Виноградов // Новомученики и исповедники Русские: 1917–2017 гг.: уроки столетия. Материалы научно-практической конференции Александровской епархии «Епархиальные Рождественские чтения». 27 октября 2016 г. г. Александров Владимирской обл., Успенский женский монастырь.

8. *Никонов В.В.* За Христа претерпевшие. Концепция и первые итоги исследовательского проекта // XI Фаддеевские чтения. 25 декабря 2016 г. Москва, Российский Православный университет святого Иоанна Богослова.